

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им.В.П.Астафьева)

Исторический факультет
Кафедра всеобщей истории

Белоногов Дмитрий Андреевич

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ШТАЕРМАН (1914-1991 гг.)
УЧЕНЫЙ ПЕДАГОГ МЕТОДИСТ

Направление подготовки 44.03.05. История и право
Направленность (профиль) образовательной программы Педагогическое образование

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой
доцент, к.и.н. Зберовская Е Л.

Научный руководитель
доцент, к. и. н. Соловьянов Н.И.

Дата защиты

Обучающийся
Белоногов Д. А.

Оценка _____

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Становление советского антиковедения (период 1918-1936).....	6
1.1. Развитие марксизма. Взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина на античность.....	6
1.2. Формирование марксистской историографии античности в СССР.....	15
Глава 2. Марксистская историография античности в СССР 1936-1991 гг. и Е. М. Штаерман.....	21
2.1. Классовая структура античного общества в советской историографии и работах Е. М. Штаерман.....	21
2.2. Политико-идеологическая система античного мира в советской историографии и работах Е. М. Штаерман.....	33
Глава 3. Влияние основных научных положений Е. М. Штаерман на преподавание истории древнего мира в школах и вузах СССР.	40
3.1. Е.М. Штаерман: жизнь и деятельность.....	40
3.2. Общественно-политическое и идеологическое развитие Римской Империи.....	46
3.3. Влияние трудов Е. М. Штаерман на методологию и методику преподавания истории древнего мира в СССР.....	59
Список использованных источников и литературы.....	68

Введение

Актуальность выбранной темы обусловлена несколькими обстоятельствами:

Во-первых, в настоящее время существует большое количество проблем в области российской экономики, идеологии, власти, которые побуждают общество изменить ситуацию в стране. В связи с этим приходит понимание важности гуманитарного знания и необходимости диалога с историей.

Во-вторых, постоянным вниманием человечества к историческому наследию античности. В той или иной степени идеи греков и римлян служили для обогащения и развития национальных культур различных эпох. Каждое социальное сообщество заимствовало в древней культуре самое необходимое в данный момент для развития своей собственной.

В-третьих, стоит обратить внимание на советских ученых-антиковедов, которые оказали огромное влияние на развитие истории античности не только в пределах своей страны, но и на мировой исторической арене. Среди отечественных историков особое место занимает Штаерман Е.М., труды которой и по настоящее время полностью не оценены.

Хронологические рамки работы определены новейшим периодом в истории нашей страны, т.е. после 1917 года по 1991 г. Выбор нижней границы обусловлен несколькими позициями:

Во-первых, это период смены политического режима в стране, который привел к изменениям во всех сферах жизнедеятельности и взаимодействия людей;

Во-вторых, в указанный период власть нуждалась в «подкреплении своих политических взглядов», что и требовало научных доказательств;

В-третьих, происходит изменение исследовательской структуры и процесса образования, что так же влияет на развитие антиковедения в стране.

Верхняя же граница определена 1991 г., это время нового революционного перелома в политической жизни страны, а значит и в развитии исторической науки и образования.

Объект работы: марксистское антиковедение в СССР.

Предмет работы: деятельность Е. М. Штаерман.

Цель работы – анализ становления и развития марксистского антиковедения в СССР и определение роли историка-антиковеда Е.М. Штаерман в советской историографии.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнение следующих задач:

1. Рассмотреть развитие марксизма. Изучить взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина на античность;
2. Проанализировать процесс формирования марксистской историографии античности;
3. Изучить биографию Е.М. Штаерман;
4. Рассмотреть классовую структуру античного общества;
5. Выявить политическое устройство античного мира и рассмотреть процесс формирования императорской власти;
6. Рассмотреть рабство, как особую социально-экономическую систему античного общества;
7. Определить роль и значение Е.М. Штаерман в советском антиковедении.

Степень научной разработки. В настоящее время существует достаточно большое количество научной литературы, раскрывающая основы антиковедения, дающая ответы на многие вопросы из античного мира, раскрывая их с различных аспектов и используя разнообразные подходы. Но стоит отметить, что основной массив существующей литературы был написан в советские годы. Среди выдающихся авторов, рассказывающих об антиковедении можно выделить следующие: С.А. Жебелев, В.П. Бузескул, Р.Ю. Виппер, Н.И. Кареев, И.М. Гревс, Д.М. Петрушевский, И.В. Нетушил,

Н.И. Новосадский, Б.В. Фармаковский, А.И. Тюменев, В.С. Сергеев, С.И. Ковалев, П.Ф. Преображенский, С.А. Покровский, Н.М. Никольский, А.В. Мишулин, Е.М. Штаерман и многие другие.

Научная новизна исследования заключается в том, что в данной работе представлен анализ становления марксистской историографии в СССР в сочетании с деятельностью выдающегося историка-антиковеда. Также стоит отметить, что в настоящее время отсутствуют работы, которые в полной мере оценивали бы деятельность Е.М. Штаерман.

Методологическая база исследования. Методологической основой данного исследования являются принцип историзма и системный подход. Дополнительно использовались следующие методы: библиографический метод, метод анализа, метод обобщения, метод синтеза.

Источниковая база исследования. В данной работе используются научные труды историков, статьи из периодических изданий, интернет-ресурсы. Особое внимание в работе уделено исследовательской деятельности Е.М. Штаерман, труды этого историка-антиковеда, так же использовались в процессе написания дипломной работы.

Глава 1. Становление советского антиковедения (период 1918-1936 гг.)

1.1. Развитие марксизма. Взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина на античность

В начале 20 века в России произошли изменения, которые оказали поворотное воздействие на все развитие государства. Произошли резкие изменения в политической, экономической, социальной сферах, которые повлекли за собой и не просто появление новой культурной среды, но стало основой новой идеологии государства. Все это, безусловно, повлияло и на изменение процесса образования, на исследовательскую деятельность ученых, а роль преподавателя в высшей школе сводилась к минимуму. Данные обстоятельства так же оказали воздействие и на антиковедение, которое приобрело «советский оттенок». Постепенно, к 1928 г., список тем, по которым происходило изучение античности, сузился до изучения теории экономического развития древнего мира, афинской демократии, аграрного строя и аграрного движения в Риме. Темы же, раскрывающие в полной мере происхождение христианства и колонат постепенно теряли свою актуальность в рамках становления новой государственной идеологии, а труды дореволюционных ученых, например, В.П. Бузескула и И.М. Гревса, уступили место новым историческим деятелям Г.М. Приговоровскому, Д.П. Кончаловскому [35, с.1-4].

Таким образом, «былое» антиковедение в новых условиях стало невостребованным, что привело к необходимости построения науки, которая бы смогла отвечать требованиям новой идеологии государства, которая развивалась на основе марксизма-ленинизма, на прочном фундаменте материалистического понимания истории.

Марксизм – система взглядов и учения немецких мыслителей Карла Маркса (1818–1883) и Фридриха Энгельса (1820–1895) – есть теория

научного коммунизма, научно обосновывающая неизбежность уничтожения капитализма и появление коммунистического общества. Марксизм есть сформулированное в теоретической форме мировоззрение пролетариата, историческая миссия которого заключается в уничтожении эксплуатации и угнетения, построении принципиально нового общественного строя без классов, без частной собственности, основанного на другой системе культурных ценностей. Как всякому революционному классу, пролетариату свойственны исторический оптимизм, глубокое чувство прогресса, ясный, лишенный мистицизма взгляд на ход мировой истории, убежденность в силе гуманизма, вера в могущество человеческого разума. Все эти особенности присущи марксизму. Основные теоретические положения марксизма были разработаны Марксом и Энгельсом во второй половине 40-х годов 19 в. [3, с. 81].

Основные идеи исторического материализма были сформулированы К. Марксом и Ф. Энгельсом уже в своих первых работах, таких, как «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Святое семейство», «Немецкая идеология» и особенно в работах «Нищета философии» и «Манифест коммунистической партии». Дальнейшее развитие и углубление эта теория получила в последующих трудах основоположников этого учения.

Предметом исторического материализма выступает общественная жизнь во всем ее многообразии и сложности. В ней, по представлениям Маркса и Энгельса, действуют социальные законы, имеющие универсальный характер. К ним относятся: закон определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию; определяющей роли производительных сил по отношению к экономическим отношениям; определяющей роли экономического базиса по отношению к надстройке, а также относятся закон разделения общества на классы и классовой борьбе, характерный только для нескольких общественно-экономических формаций.

Особенность исторического материализма состоит в том, что общественное развитие он рассматривает как естественно-исторический

процесс, т. е. такой же закономерный и объективный, как и природные явления, не только не зависящий от людей, но формирующий их волю и сознание.

Среди положений марксизма можно выделить два основных: базис и надстройка. Базис – экономическая структура общества, совокупность не зависящих от воли людей производственных отношений, в основе которых лежит та или иная форма собственности; эти отношения соответствуют определенной ступени развития производительных сил. На базисе возвышается и им определяется юридическая и политическая надстройка, которой соответствуют формы общественного сознания. Государство и право как части надстройки всегда выражают волю и интересы класса, который экономически господствует при данной системе производства. Согласно Марксу, прогрессивными эпохами развития общества являются азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства, причем буржуазные производственные отношения – последняя антагонистическая форма общественного производства. Одна общественно-экономическая формация сменяется другой в результате борьбы классов, социальной революции, которая происходит, когда постоянно развивающиеся производительные силы приходят в противоречие, в конфликт с устаревшей системой производственных отношений (базисом общества). После социальной революции происходит переворот во всей громадной надстройке.

Обосновывая необходимость и близость насильственной коммунистической революции, Маркс и Энгельс доказывали, что в 40-е гг. XIX в. капитализм уже стал тормозом общественного развития. Силой, способной разрешить противоречие между растущими производительными силами и тормозящими их рост капиталистическими производственными отношениями, является пролетариат. Пролетариат, осуществив всемирную коммунистическую революцию, построит новое, прогрессивное общество без классов и политической власти [4, с. 439-441].

Развитие марксизма имело свои определенные предпосылки, среди которых можно выделить следующие:

1. Социальные предпосылки. Важнейшим социальным условием возникновения марксизма выступило развитие промышленного рабочего класса, сопровождавшееся ростом его революционности. Стоит отметить, что до появления рабочего класса эксплуатируемое население боролось с угнетением без цели создания бесклассового общества, пытаясь изменить общественное сознание, нравственность людей. Именно рабочий класс для того, чтобы освободить себя поставил цель ликвидировать эксплуатацию человека человеком и освободить всех трудящихся, все человечество от власти меньшинства, от социального и экономического неравенства и политического угнетения. Данная цель требовала полного преобразования всех общественных отношений. Революционное движение пролетариата объективно выдвигало задачи создания такой идеологии и мировоззрения, которые нацеливали бы на первоочередное преобразование общественного бытия, общественно-экономических отношений. Поэтому сама историческая миссия рабочего класса настоятельно требовала выработки материалистического понимания истории, нового понимания целей философии как методологии революционного преобразования общества. Иными словами, она приводила к необходимости соединить материалистическое мировоззрение с революционной идеологией и диалектическим методом познания и деятельности.

2. Вторая предпосылка была связана с особенностями развития науки середины второй половины 19 века. Все открытия данного периода наводили на мысль, что любое развитие осуществляется не в силу внешнего толчка, а в результате разрешения внутренних противоречий. Старый метафизический и механистический материализм уже не соответствовал новым научным данным. Наука настоятельно требовала соединения материализма с диалектическим методом познания.

3. Третья предпосылка называется философской. Дело в том, что в самом развитии предшествующих философских учений были подготовлены необходимые условия для возникновения философии диалектического материализма [21, с. 71-74].

Таким образом, были подготовлены все необходимые направления для возникновения марксизма, который охватывал все аспекты жизнедеятельности и взаимодействия людей.

Одним из основных положений исторического материализма является вывод о единстве мирового исторического процесса, т.е. о движении всех конкретных человеческих обществ (например, египтян, греков, римлян, германцев и др.) в одном направлении на основе одних и тех же законов, о прохождении одинаковых ступеней в этом развитии. Вместе с тем единство мирового процесса не подразумевает его, так сказать, унификации. Материалистическое понимание истории предполагает многообразие и вариантность исторического процесса, воплощающегося в разнообразных формах его конкретного проявления в отдельных регионах и странах.

Основатели марксизма сумели оказать огромное влияние и на античную историографию. Маркс и Энгельс получили классическое образование, прекрасно знали античную историю, читали в подлиннике древних авторов. Знание античной истории и источников позволило им создать новую концепцию античной истории, которая превосходила по глубине мысли и цельности существующие в 19 в. и стала крупнейшим вкладом в античную историографию.

Но изучение античности для Маркса не самоцель, а путь и средство к пониманию исторического процесса в целом.

Маркс и Энгельс не оставили связной систематической истории древнего мира, но их многочисленные отдельные замечания и экскурсы, рассеянные в их сочинениях, дают возможность построить научную историю античности.

Большое внимание уделялось изучению рабству. Основатели марксизма всегда говорили не о рабстве вообще, а о конкретном рабстве, в определенных условиях, месте, времени. Конкретный характер рабства в той или иной стране в определенное время зависит отряда условий, в частности, от того, как далеко зашло разложение общинных отношений. Борьба за землю занимает особенно важное место в политической истории Рима. Маркс показывает, что такие понятия, как «собственность», «торговля», «деньги», «труд», «товар» имеют в античном обществе свое специфическое содержание. Труд в античном мире как общественная категория также резко отличается от труда в капиталистическом обществе. Особенности характера труда в античности – одна из причин гибели античного общества, так как рабский труд ставит предел развитию производительных сил. Внутренние противоречия рабовладельческого общества должны были привести к революционному взрыву, в результате которого возникла новая прогрессивная общественно-экономическая формация – феодальная [22, с.15-20].

Общие тенденции развития классовой борьбы в античном мире в целом позволили Марксу и Энгельсу оценить и ее своеобразие. Угнетенные классы, не только рабы, но и мелкие собственники античного общества, не несли с собой нового способа производства. Поэтому их движение не могло привести к ниспровержению рабовладельческого строя. Оно только расшатывало этот строй, но ввести новый способ производства ни рабы, ни мелкие собственники не могли [3, с.92-93].

К. Маркс и Ф. Энгельс впервые в мировой науке объяснили происхождение античных государств из разделения родового общества на враждебные классы. В свете созданной Марксом и Энгельсом теории исторического материализма, благодаря глубокому и всестороннему знанию материала и источников, Энгельс мог дать довольно ясную картину возникновения Афинского государства, возникновения и гибели Римской державы из недр родового строя. Они исследовали процесс замены родовых

связей территориальными, отрыв публичной власти от народа, появление специфических государственных учреждений (полиции, суда и т. д.) [22, с. 15-20].

Маркс и Энгельс неоднократно обращались к анализу духовного наследия античного мира. Особое внимание они уделяли изучению античной философии, науки, литературы, искусства, религии. Они называли античный материализм «стихийно-диалектическим», а также созерцательным. Вместе с тем они подчеркивали связь философских воззрений древних с естественнонаучными воззрениями [3, с. 94].

Маркс дал классически четкую характеристику духовной культуры античности, отдельные достижения которой до сих пор остаются в известной мере недостижимым образцом. Особенности античной культуры вытекают из особенностей общественного строя, из простого факта незрелости общественных отношений, покоящихся на непосредственных отношениях господства и подчинения [22, с. 15-20].

Много внимания Маркс и Энгельс уделили вопросам античной религии, в том числе и генезису христианства, прослеживая тесные связи со своей эпохой: «... не гибель древних религий повлекла за собой гибель древних государств, а, наоборот, гибель древних государств повлекла за собой гибель древних религий» [14, с. 99].

Маркс и Энгельс обращались к античным сюжетам в связи с потребностями политической борьбы и защиты пролетарской классовой идеологии. Специальные сочинения Ф. Энгельса, посвященные проблемам древней истории, созданы в тесной связи с идеологической борьбой его времени. Маркс и Энгельс обращали внимание на необходимость разработки проблем древнейшей истории в 70–80-е годы 19 в. в связи с нуждами рабочего движения. В «Капитале» и подготовительных работах к нему К. Маркс рассматривал различные аспекты античного социально-экономического строя как средство лучшего уяснения механизма функционирования капиталистической экономической системы. Эта тесная

связь исследований античной истории с современными запросами и в то же время глубокий историзм учения Маркса и Энгельса об античности составляют суть того непреходящего влияния, которое марксистская концепция античности оказывает на науку до нашего времени [3, с.96-97].

В России идеи марксизма были поддержаны и развиты В.И. Лениным. Его деятельность совпала с периодом, когда капитализм на рубеже 19-20 вв. достиг своей высшей стадии – империализма, и человечество из сравнительно спокойного исторического периода вступало в эпоху социальных бурь и потрясений. Требовалось обстоятельно осмыслить эту новую ситуацию и определить очередные задачи борьбы трудящихся. То есть требовалось не просто чтение, цитирование и переложение марксистских трудов, а дальнейшее развитие революционной теории [36].

В.И. Ленин развил основные принципы марксистской теории, Дал теоретическое решение многих проблем классовой борьбы и революционного движения, исторического материализма, материалистической диалектики, конкретного процесса общественного развития ряда эпох всемирной истории, в том числе и рабовладельческого общества.

В системе ленинских взглядов на ход всемирно-исторического процесса, конкретно воплощавшихся в развитии общественно-экономических формаций, определенное место занимает рабовладельческий способ производства, который является одной из необходимых ступеней развития человеческого общества.

Древнюю Грецию и Древний Рим В.И. Ленин рассматривал как классические рабовладельческие общества, в которых рабовладельческий способ производства получил высшее развитие, а классовые противоречия между основными антагонистами – классами рабов и рабовладельцев – достигли наибольшей остроты, вылились в войны рабов. Одной из таких наиболее крупных войн было восстание Спартака, на примере которого Ленин глубоко проанализировал особенности классовой борьбы рабов,

вызванные спецификой их положения в общественной структуре рабовладельческого общества. Фундаментальное значение для изучения рабовладельческой общественно-экономической формации имеют положения Ленина о специфике классовой и сословной структуры рабовладельческого общества: наличие основных и неосновных классов и их роли, определение классов в рабовладельческом обществе как классов-сословий.

Ленин так же изучал и античное государство, которое он тесно связывал с классовой и социальной борьбой, а так же с рабовладельческим обществом. В.И. Ленин развил не только существующие понятия марксизма, но и ввел новые положения, которые раскрывают специфику античного общества и государства: роль войны как продолжение политики другими средствами, в том числе применительно к древности, конкретные замечания о Пунических войнах как войнах империалистских и о возможности «осуществлять империализм» в рабовладельческом обществе.

В.И. Ленин специально занимался изучением античной философии и высказал важные соображения о роли некоторых направлений античной философии, ее наиболее выдающихся представителей. Ленин разработал концепцию рабовладельческой общественно-экономической формации и ее составных частей, которая легла в основу творческой деятельности советских ученых, занимающихся изучением древней истории [3, с. 325-327].

Таким образом, с 1917 г. советская наука стала развиваться на основе марксизма-ленинизма, на прочном фундаменте материалистического понимания истории. Однако овладение теорией марксизма-ленинизма, историческим материализмом и его применение к исследованию конкретных проблем древней истории Греции и Рима были непростой задачей.

1.2. Формирование марксистской историографии античности в СССР

После Октябрьской революции 1917 г. русская наука об античности испытала радикальные перемены:

1. Под воздействием марксистской идеологии, приобретшей господствующее положение после Октябрьской революции, решительно изменился предмет изучения в науке об античности: акцент был перенесен с политической истории и культуры на социально-экономические отношения, на собственно экономику, положение трудящихся масс и классовую борьбу. Следствием было то, что наука о классической древности утратила свое историческое качество и превратилась в филиал марксистской политэкономии. Ученые обязаны были заниматься такими сюжетами, как формы производства, труд и капитал, денежное обращение и т.п. В социальном плане преимущественному изучению подлежали различные формы зависимости и эксплуатации, в античности – темы рабства и рабских восстаний.

2. Изменению подверглось философское осмысление античности. На смену историко-философскому плюрализму (идеи гегелевской философии, позднейшего позитивизма и иррационализма и т. д.) пришло единое, обязательное для всех, марксистское учение о социально-экономических формациях. Восприятие и толкование античной цивилизации было загнано в жесткие рамки этой концепции, следствием чего стала не только социологизация, но и догматизация античной истории.

3. Радикальной перемене подверглись преподавание и изложение древней истории (в силу того, что в учебные заведения стали приниматься студенты без должной подготовки, вследствие этого научное изложение должно было ориентироваться на их уровень).

4. Произошли изменения и в организации научной жизни. Если раньше центром притяжения и вместе с тем главной ячейкой в науке была личность ученого-специалиста, университетского профессора, то теперь такими

ячейками в университетах стали кафедры, а в академических институтах – отделы, организованные как административные подразделения, главами которых были чаще всего не ученые, а бюрократы [29, с. 401-403].

По мере того, как партия большевиков все больше сращивалась с государственной системой, идеологическая работа превращалась в общегосударственную задачу, а историческая наука стала рассматриваться в качестве инструмента государственной политики. Правящая партия не только формировала организационные структуры исторической науки и определяла ее кадровый состав, но и оценивала содержание исследовательских программ. Коммунистическому режиму требовались историки, для которых политическая целесообразность была критерием более значимым, нежели историческая истина. У истоков этой традиции стоял М.Н. Покровский [19, с. 193-220].

Утверждение марксизма-ленинизма в советской историографии, в том числе и в историографии античной истории, проходило в идейной борьбе с буржуазными идеалистическими теориями, в процессе которой разрабатывалась конкретная история рабовладельческого общества.

В процессе этой борьбы в советской историографии античности 20-х годов взаимодействовали два направления:

1. Одно из них было представлено учеными старой школы, взгляды которых сложились в дореволюционную эпоху. К нему принадлежали такие крупные специалисты, как С.А. Жебелев, В.П. Бузескул, Р.Ю. Виппер, Н.И. Кареев, И.М. Гревс, Д.М. Петрушевский, И.В. Нетушил, Н.И. Новосадский, Б.В. Фармаковский. Их научная и педагогическая деятельность продолжалась в 20-х годах, однако по своим методологическим взглядам они не были сторонниками материалистического понимания истории.

2. Другое направление состояло из ученых, методология которых сформировалась в послеоктябрьский период и которые стояли на позициях исторического материализма, применяли его к исследованию конкретных

проблем истории древнего мира: А.И. Тюменев, В.С. Сергеев, С.И. Ковалев, П.Ф. Преображенский, Н.М. Никольский, А.В. Мишулин и др. [3, с. 331].

Период с 1917 г. – начало 1930-х гг. представлял собой период становления советской историографии, для которого характерно:

1. Противоборство марксистского и немарксистского направлений в историографии. За разностью методологических и идеологических подходов их выводы в основном сводились к констатации имевшегося с первых лет советской власти в России противоборства марксистского и немарксистского (буржуазного) направлений. Как правило, отмечалось, что борьба эта происходила в основном в рамках полемики (правда, не всегда научной) в условиях своеобразного «мирного сосуществования», а закончилась победой историков-марксистов (в последнее время приводятся факты прямого вмешательства карательных органов, приведшего к репрессиям против представителей старой школы) [10, с. 143-158];

2. Кардинальное преобразование организационных основ исторического знания;

3. Подготовка историков-марксистов и их консолидация;

4. Складывание новой проблематики и перемещение исследовательского интереса в сферу социально-экономических отношений, классовой борьбы и революционных движений;

Серьезное значение в процессе становления марксистско-ленинской концепции исторического процесса имели дискуссии конца 20-х – начала 30-х годов о роли, месте и понимании общественно-экономических формаций, об азиатском способе производства и о характере общества в странах Древнего Востока. В ходе этих дискуссий было уточнено понятие общественно-экономической формации, подвергнуты критике понятия смешанных формаций – рабовладельческо-крепостнических, торгового капитализма. Циклическая теория исторического процесса была признана несостоятельной, в качестве господствующей была принята концепция единого всемирно-исторического процесса развития человеческого общества,

прошедшего последовательно первобытную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую формации и перешедшего после 1917 г. к коммунистической формации, причем каждая из них представляла более высокую ступень общественного развития, чем предшествующая формация.

В этой общей теории получила свое место рабовладельческая общественно-экономическая формация, которая охватывала историю народов Древнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима. В основе рабовладельческой общественно-экономической формации лежал рабовладельческий способ производства, который и определял ее движение в целом.

Марксистская разработка методологии всемирной истории, идейная борьба с реакционными концепциями буржуазной науки стояли в центре внимания основанного в 1925 г. Общества историков-марксистов во главе с М.Н. Покровским.

Особенно активную работу в области древней истории вела Государственная академия истории материальной культуры, в составе которой был организован сектор древней истории. Академия должна была стимулировать научные исследования в области материальной культуры, проведение археологических раскопок и разведок, заниматься организацией охраны культурных памятников. В научных планах Академии важное место занимали проблемы техники в докапиталистических формациях, которая понималась как важнейшая часть производительных сил, определяющих развитие способа производства [3, с. 328-329].

Марксистско-ленинская историография превратилась в главенствующее, а затем единственное направление в советской исторической науке.

Начало становления официальной марксистской историографии принято отсчитывать с решения Совнаркома РСФСР от 25 мая 1918 г. О переводе и издании материалистической и, прежде всего, марксистской литературы [19, с. 193-220].

Марксистские взгляды повлияли и на становление марксистской историографии античности. Начало антиковедения, как отдельного исторического направления С.И. Ковалев относит ко второй половине 16 в. К данному периоду относятся работы Скалигера, в которых преодолены «узкий филологизм» и идеализация всего античного [3, с.37]. К основным факторам зарождения научного антиковедения он относит влияние последствий Великой Французской революции и рождение «буржуазной» историографии, которая обращает внимание на народ.

Согласно С.И. Ковалеву, «буржуазное» антиковедение является лишь предпосылками для построения научной истории античного общества. Он считал, что только марксизм может повлиять на формирование антиковедения как науки [3, с. 240-262].

Стоит отметить, что разные советские ученые давали несколько различные хронологические рамки появления антиковедения, но сходятся в одном, что именно с появления марксизма можно говорить о формировании научного антиковедения.

Время формирования марксистского антиковедения можно отнести к периоду 1928–1935 гг. – зарождение ведущих для современного антиковедения методологических подходов, которые, со временем трансформировавшись, в тех или иных вариациях существуют до сих пор:

1. 1928 г. – «История Рима» Т. Франка: зарождение умеренного релятивизма в антиковедении;

2. 1932 г. – «Проблемы античной истории» Г. де Санктиса: становление неогегельянской методологии в антиковедении;

3. 1935 г. – «История античных рабовладельческих обществ» А.И. Тюменева: утверждение марксистской методологии в антиковедении и понимания античности как особой фазы единой рабовладельческой формации, охватывавшей весь древний мир, начиная с появления первых государств на Ближнем Востоке[34, с. 240-262].

Стоит отметить, что советские ученые принимали активное участие в археологических раскопках в Херсонесе, Ольвии и на территории Боспорского государства. Советские ученые занимались переводами на русский язык произведений античных авторов, занимались составлением специализированных хрестоматий. Активным организатором этих изданий был знаток античной и мировой литературы Адриан Пиотровский. Лучшей научной публикацией источниковедческого характера в 20-х годах стало 6-томное издание собрания папирусов.

Для становления марксистской историографии античности оказалось плодотворным творческое содружество историков и археологов. Перед археологами была поставлена важная социологическая задача по исследованию материальной культуры, в том числе орудий труда и техники античного общества.

В течение периода 1917–1934 советская наука прошла большой и сложный путь развития. В ходе поисков и напряженной борьбы молодой марксистской науки с традициями буржуазного мировоззрения, с реакционной зарубежной историографией советское антиковедение восприняло лучшие достижения прогрессивной русской историографии, овладело марксистско-ленинской методологией, творчески применило ее к исследованию конкретных исторических проблем древней истории, разработало концепцию рабовладельческой общественно-экономической формации, определяемой рабовладельческим способом производства, и на этой основе поставило ряд проблем, слабо исследованных в дореволюционной и зарубежной историографии: новое понимание особенностей античной экономики, анализ античной техники, роли и значения классовой борьбы.

Укрепление позиций марксистской историографии, распад и преодоление идеалистических взглядов представителей дореволюционной науки способствовали выработке к концу 30-х годов в советском антиковедении методологического единства [3, с. 334-335].

Глава 2. Марксистская историография античности в СССР 1936-1991 и

Е. М. Штаерман

2.1. Классовая структура античного общества в советской историографии и работах Е. М. Штаерман

Период с 1936 г. по 1956 г. характеризуется подъемом исторической науки и развитием антиковедения в целом. В 1936 г. открывается Институт истории АН СССР, в котором выделяется сектор древней истории. Кроме этого в учебных заведениях начинают открываться исторические факультеты, в которых преподается курс систематический курс древней истории, дополнительно организовываются кафедры истории древнего мира. С 1937 г. начинает выходить специальный журнал «Вестник древней истории», ставший не только ведущим печатным органом советской науки о древнем мире, но и центром, координирующим научную деятельность в области древней истории в нашей стране. Все обозначенные мероприятия смогли сформировать благоприятные условия для развития советского антиковедения, так же как в целом для развития советской исторической науки. Особое внимание властей в указанный период уделялось подготовке новых учебных пособий.

Новые учебные пособия по истории древнего мира для высших учебных заведений разрабатывались В.С. Сергеевым и С.И. Ковалевым, имевшими опыт в написании учебников. В 1934 г. В. С. Сергеев создает учебное пособие по истории Древней Греции, которое в переработанном виде в 1939 г. было утверждено в качестве учебника для исторических факультетов и педагогических институтов. Этот учебник с некоторыми исправлениями и дополнениями Н.А. Машкина и А.В. Мишулина был выпущен вторым изданием в 1948 г.

Для всех учебников и учебных пособий, как самых подробных, так и относительно кратких, был характерен общий методологический подход к изложению древней истории Греции и Рима как обществ, проходящих стадию рабовладельческой общественно-экономической формации, в основе которой лежал рабовладельческий способ производства. Движущей силой античного общества была классовая борьба, прежде всего, основных классов-антагонистов: класса рабов и класса рабовладельцев. История древних обществ рассматривалась как история зарождения рабовладельческих отношений, их расцвета и разложения [3, с. 336-337].

В античном обществе существовали классы как большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Расслоение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых впервые в истории человечества происходило на Древнем Востоке и в античном мире. Классовая структура античных государств формировалась по-разному. Но как в рабовладельческом, так и в феодальном обществе были классы-сословия. Существовал класс рабовладельцев и класс рабов; свободные мелкие производители в разное время играли то большую, то меньшую роль. В ходе развития античного общества классовые различия обострялись по мере перехода к поздней античности – эпохе упадка рабовладельческого общества, все очевиднее становилась поляризация классового общества [2, с. 269].

В процессе разложения родового строя в VI в. до н. э. в Риме формируется государство. Основными классами-сословиями римского общества в тот период были привилегированные патриции и юридически свободные, но лишенные гражданских прав плебеи. Что касается рабов, то этот класс был абсолютно бесправным.

В VI–III вв. до н. э. рабский труд находит все большее применение в производстве. В данный период существовало т. н. патриархальное рабство: при нем экономика обеспечивала простое воспроизводство, работая на элементарное потребление в условиях господства натурального хозяйства, тогда как товарное производство находилось в зачаточном состоянии. Поэтому в VI–III вв. до н. э. не было ни одного восстания рабов. Их недовольство своей участью временами выражалось либо в бегстве и порче орудий, либо в участии в выступлениях плебеев. В данный период шла борьба между плебеями и патрициями. К началу III в. до н. э. наиболее богатые и влиятельные представители плебса постепенно объединились с патрицианской знатью, в результате чего возникла новая правящая элита – нобилитет. Из этой среды вышло подавляющее большинство консулов и цензоров III–I вв. до н. э. В эпоху Поздней республики понятие «нобилитет» являлось синонимом режима сенатской олигархии, который в конечном счете привел римский республиканский строй к политическому краху [38].

В III в. до н. э. в социально-экономической жизни Рима произошли глубокие изменения. Патриархальная система рабства к этому времени развилась в так называемое классическое рабство, т. е. рабовладельческий способ производства достиг наибольшей зрелости и законченности. Сам по себе переход к классическому рабству знаменовал не смену одной общественно-экономической формации другой, а лишь смену двух стадий развития одной и той же рабовладельческой формации. Переход к классическому рабству был глубоким социально-экономическим переворотом в жизни общества, который привел к крупным переменам во всех областях. Внутренняя эволюция общественных отношений в Риме в IV–III вв. до н. э. вела к возникновению форм классического рабства. Концентрация земли, распространение частной собственности, развитие ремесел, торговли, денежного обращения, зарождение товарного хозяйства требовали дешевой рабочей силы. В отличие от патриархальной системы при классическом рабстве производство направлено на создание прибавочной

стоимости. Возрастала и численность рабов. Рабы стали самым многочисленным классом римско-италийского общества. Рабовладение распространилось в решающих отраслях хозяйства – в сельском хозяйстве, в горнодобывающем деле, металлургии, в строительстве. Труд свободных или полузависимых работников продолжал применяться, но имел во II–I вв. до н. э. меньший удельный вес, играл подчиненную роль.

Во II–I вв. до н. э. структура общества несколько изменилась, так же как и взаимоотношения между классами. Основными классами в римском обществе в указанный период были класс рабов и класс рабовладельцев – собственников земли, крупных ремесленных мастерских, торговцев, которыми могли быть римские граждане, союзники и провинциалы, не имеющие прав римского гражданства. Третьим основным классом были мелкие производители, работающие в основном сами, хотя изредка и применяющие труд одного-двух рабов: крестьяне в деревне, мелкие ремесленники и торговцы в городе.

Усиление эксплуатации рабского труда, продиктованное интересами простого товарного производства, привело к ухудшению общественного и юридического положения рабов. Остатки человеческих прав, некоторые моральные ограничения эксплуатации рабов, существовавшие при патриархальном рабстве, в новых условиях начинают стеснять рабовладельца. Теперь он заинтересован в том, чтобы работник был передан в его полное и бесконтрольное распоряжение и мог быть подвергнут любой, даже самой чрезмерной, эксплуатации [37].

Стоит отметить, что советские ученые предполагали, что рабовладение господствовало в античном мире повсюду [9, с.9].

Классовую и социальную структуру римского общества во II–I вв. до н.э. можно представить в виде схемы (рис. 1) [5, с.107-110].

Рисунок 1 – Классовая и социальная структура римского общества.

II–I в. до н.э.

Каждый из основных классов также не был однородным, он, в свою очередь, делился на несколько социальных групп.

Из среды основной массы рабов, работающих в рабовладельческих виллах, в ремесленных мастерских, стала выделяться небольшая группа рабов, положение которых было более благоприятным. Это были рабы, занятые интеллигентным трудом: учителя, архитекторы, актеры, а также высококвалифицированные ремесленники и некоторые ремесленники, которым рабовладелец разрешал работать в какой-то мере самостоятельно. Некоторые из таких рабов имели средства, сами держали рабов (раб раба назывался викарием).

Неоднородным по своему составу был класс мелких собственников. В него входили крестьяне в деревне, мелкие ремесленники и торговцы в

городе. Крестьяне обрабатывали свои небольшие земельные участки, арендовали чужую землю; ремесленники трудились в собственных небольших мастерских, работали по найму; торговцы вели розничную торговлю. Работали они сами вместе со своей семьей, вместе с ними иногда трудились 1–2 покупных раба. Положение этого класса было двойственным и неустойчивым. Они были, с одной стороны, тружениками, что объединяло их с другими людьми труда, но вместе с тем они были и собственниками [30, с. 172-180].

Втянутые в товарное производство, подвергаясь притеснениям со стороны более сильных земле- и рабовладельцев, страдая от военной службы, от непрерывных военных действий, мелкие собственники находились под постоянной угрозой потерять свой участок, мастерскую и лавку. В условиях классического рабства этот класс все время распадался: часть мелких собственников богатела, вливалась в господствующий класс, другая теряла свою землю, мастерскую или лавку, превращалась в арендаторов, батраков, наемников, люмпен-пролетариев, шла на военную службу.

Распространение рабовладельческого хозяйства во II–I вв. до н.э. привело к уменьшению удельного веса и значения мелкого производства, а класс мелких собственников разделился на сельский плебс (земледельцев) и городской плебс (ремесленников и торговцев). Среди городского населения заметное место занимали вольноотпущенники – ремесленники и торговцы, причем их роль непрерывно возрастала. Городской плебс был объединен в особые организации – коллегии разного типа (профессиональные, религиозные, погребальные, территориальные), которые принимали активное участие в политической жизни римского города. Основные интересы городского населения были связаны с ремеслом, торговлей, с демократизацией политической жизни и существенно отличались от интересов крестьянства, положение которого все более ухудшалось.

Небольшой участок земли составлял основу благосостояния земледельца, а стремление сохранить свой участок в неприкосновенности

или получить его, если его не было, было главным. Однако земледельцы теряли землю, разорялись, их хозяйства поглощались рабовладельческими виллами, где работали преимущественно рабы.

Некоторая часть потерявших землю земледельцев оставалась в деревне и переходила на положение арендаторов чужой земли, батраков и наемников в более крупных хозяйствах. Однако основная масса уходила из деревни в город. Обезземеливание породило мощное движение сельского плебса за аграрную реформу, за передел государственной земли, за ограничение крупного землевладения, за демократизацию государственного строя. Сельскому плебсу были чужды требования городского населения. Вот почему он оставался равнодушным при волнениях городского плебса, а последний слабо поддерживал движение за аграрную реформу.

Среди населения Рима и других городов в конце II в. и особенно в I в. до н. э. заметное место занимает так называемый люмпен-пролетариат. Это были люди, обладающие номинально правами римского гражданства. Они участвовали в выборах магистратов, в народных собраниях, но не имели никакой собственности и вместе с тем, как правило, не работали. Жили они за счет подачек богатых людей, становясь их клиентами, поддерживая их кандидатов при голосовании и оказывая разные услуги. В I в. до н. э. их содержание взяло на себя государство. По закону Кассия, изданному в 73 г. до н. э., каждому люмпен-пролетарию выделялось 5 модиев зерна в месяц (около 1,5 кг хлеба на один день). В 50–40 гг. до н. э. таких «нахлебников» только в Риме было 300 тыс. человек. Эта многочисленная масса людей представляла серьезную политическую силу в I в. до н. э. и принимала самое активное участие в гражданской войне, во всех политических и военных схватках того времени. Люмпен-пролетариат не имел особых политических интересов и убеждений, он требовал «хлеба и зрелищ» и служил тому, кто выполнял это требование.

Класс рабовладельцев в римском обществе включал несколько социальных групп. Его господствующий слой составляли, римский

нобилитет и так называемые всадники, к ним присоединялись разбогатевшие жители италийских городов – муниципиев (муниципальная знать) и провинциальная знать.

В состав нобилитета входили самые знатные патрицианские и богатые плебейские роды. Только нобили пополняли римский сенат, только они избирались на все ответственные посты в государстве. Нобили возглавляли армию, они управляли провинциями. Экономической базой нобилитета было крупное землевладение, большие массы рабов и большие денежные средства. Некоторые из них могли из своих рабов и клиентов составить целое войско, содержать его в течение длительного времени. Захватив все руководящие посты в государстве, в армии, в провинциях, нобили обогащались за счет военной добычи и грабежа, крупного ростовщичества и спекуляции.

Во II–I в. до н. э. нобилитет превращается в замкнутое сословие, в которое было трудно проникнуть новому человеку. Если в IV в. до н. э. членами сената становились многие богатые плебеи и даже вольноотпущенники, то теперь положение изменилось. Сенат, высшие магистратуры пополнялись из замкнутой касты нобилей, ревниво оберегавших свои привилегии.

Если римский нобилитет был правящим сословием, то всадничество считалось торгово-финансовой знатью, хотя многие всадники были и землевладельцами средней руки. Внешняя торговля, военные поставки и подряды, ростовщические операции и откуп налогов были основой экономического могущества всадников.

В I в. до н. э. верхушка всадников слилась с сенатской знатью, они породнились друг с другом, многие сенаторы через подставных лиц принимали участие в финансовых операциях всадников, а наиболее богатые всадники были включены в сенат и в важные судебные комиссии по разбору злоупотреблений наместников. В I в. до н. э. всадники становятся не только финансовой, но и земельной знатью. Слияние верхушки всадников с

сенаторской знатью получило идеологическое обоснование в сочинениях Цицерона, который выдвинул лозунг «согласия сословий».

Всеми политическими правами в Римском государстве пользовались лишь римские граждане. Однако римское гражданство было меньшей частью населения, его большую часть составляло население, не имевшее гражданских прав: в Италии II в. до н. э. – это италийские союзники, а в провинциях – почти все население. Это бесправное в политическом отношении население страдало от римского господства и неоднократно поднимало восстания. Зажиточная часть италийских союзников и провинциальной знати стремились получить права римского гражданства, добивались политического равноправия.

Сложная классовая и социальная структура римского общества II–I вв. до н. э. объясняет запутанный клубок классовых и социальных противоречий этой эпохи: классовый антагонизм рабов и рабовладельцев переплетался с противоречиями этих двух классов с классом мелких собственников. Общественные противоречия осложнялись борьбой разоряющегося крестьянства с землевладельцами, городского плебса с магнатами, италиков и провинциалов с римским гражданством. Даже внутри римской знати не было единства: между нобилитетом и всадниками в отдельные периоды возникали политические разногласия, и разгоралась ожесточенная борьба. Многочисленные противоречия раздирали римское общество II–I вв. до н. э. и подрывали его силу [37].

Именно классовые вопросы легли в основу научно-исследовательских работ к концу 30-х годов. Особый интерес к этим проблемам вызывался стремлением понять процесс развития античного общества и трансформации рабовладельческого способа производства. Классовая борьба рассматривалась не как частный эпизод жизни античного общества, а как движущая сила его развития, определявшая его основные особенности. Перед советскими учеными встала задача собрать максимально полные данные о классовой борьбе в античности и прежде всего о волнениях и

восстаниях рабов. Представители буржуазной историографии проявляли слабый интерес к этим проблемам, проходили мимо многих проявлений классовой борьбы рабов, стремились подорвать доверие к таким данным, имеющимся в источниках.

В указанном направлении была проведена большая исследовательская работа, собраны многие данные, имеющиеся в мировой литературе. На русский язык переводились работы о восстаниях рабов, в частности книга К. Бюхера «Восстания рабов 143–129 гг. до Р. Хр.», капитальное исследование А. Валлона «История рабства в античном мире» (1941). Новаторский характер имело исследование академика Жебелева «Последний Перисад и восстание скифов на Боспоре» (1933), в котором автор на основе тщательного источниковедческого анализа надписей смог открыть факт крупного восстания скифских рабов в конце II в. до н. э. на Боспоре. Вместе с С.И. Ковалевым, С.А. Жебелев обратился к изучению крупнейших восстаний рабов в Риме: первого и второго грандиозных восстаний в Сицилии и движения Спартака (1934). Эти работы подготовили появление крупного исследования о восстаниях рабов в Риме и прежде всего о крупнейших из них – восстании Спартака (А. В. Мишулин «Спартакосское восстание» 1936) [3, с. 339].

Восстания рабов в античности свидетельствуют о классовой борьбе в древности. Классовая борьба представляет собой основное содержание и движущую силу истории всех антагонистических обществ. В системе общественного производства, основанного на рабовладении, именно такими обществами представлены Греция и Рим, классовая борьба выросла из антагонистических противоречий между классами и в первую очередь из-за их различного отношения к средствам производства. Это была классовая борьба рабов, а так же мелких городских и сельских производителей (ремесленников. землевладельцев) с крупными землевладельцами и владельцами крупных мастерских, использовавших рабский труд. Последние ничего не производили, однако, владея средствами производства, путем

экономического принуждения эксплуатировали свободных и несвободных производителей.

Классовая борьба поддается классификации, выделяют следующие формы: одиночные и массовые побег, индивидуальный и коллективный саботаж, бунт, покушение на представителей господствующего класса, уничтожение их собственности и восстание как высшая форма классовой борьбы.

К восстаниям рабов нередко примыкали мелкие землевладельцы, ремесленники и батраки. Однако, ни рабы, ни мелкие производители не могли преобразовать экономическую и социальную структуру рабовладельческого общества, до того момента пока не были определены социально-экономические условия, которые сложились в поздней античности, когда рабовладельческое общество находилось в состоянии разложения. Именно в этот момент классовая борьба и могла привести к изменениям отношений между классами [2, с. 269].

Возрастание степени эксплуатации, ухудшение положения рабов, увеличение их численности обострили до предела классовую борьбу. Рабы теперь не только оказывали пассивное сопротивление, не только участвовали в движении других слоев населения. Они поднимали грандиозные, чисто рабские восстания, которые потрясли римское рабовладельческое общество. Классовая борьба рабов приобрела определяющую роль в той общей системе социально-классовых противоречий, которые приводили в движение весь сложный механизм римского рабовладельческого общества [37].

Классовая борьба в проявлении восстания рабов легла в основу теории «революции рабов». Толчком к выдвижению этой теории послужила речь Сталина, произнесенная им еще в феврале 1933 года на съезде колхозников-ударников, где он произнес следующие слова: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся» [25]. Именно эта цитата стала весьма популярной в трудах советских историков античности в 1930-е годы. Данная тема

появляется во многих исследованиях советских историков, например, А.В. Мишулин и его работа о Спартаке [20, с. 23].

В 30-х годах С.И. Ковалев считал, что восстание нанесло сильнейший удар по рабовладельческому хозяйству Рима и ускорило переход от республики к империи [8, с. 49]. А.В. Мишулин думал, что в случае победы рабы превратились бы в пролетариев и могли уничтожить всякую частную собственность [18, с. 89]. В 50-х годах Ж.П. Бриссон и В.Н. Дьяков полагали, что сицилийские и спартаковские восстания вызвали переход к новым способам эксплуатации рабов, особенно в сельском хозяйстве [13, с. 81-82]. Высказывалось также мнение, что восстание Спартака принудило рабовладельцев (разных прослоек римского общества консолидироваться и спустя несколько десятилетий перейти к «военной диктатуре» и новой государственной форме – принципату [16, с. 20].

С учетом восстаний рабов была сконструирована схема истории античного общества, которая уже тогда вызвала много упреков как из-за слабого использования источников, вольного обращения с рядом фактов, так и из-за своей парадоксальности: согласно этой схеме, после этапа разложения общинного строя в VII–VI вв. до н. э. и недолгого этапа стабильности в V в. до н. э., наступила эпоха разложения рабовладельческого строя с IV в. до н. э. по IV в. н. э. В любом случае, с этого времени описание «революции рабов» приобрело решающее значение в изложении истории античного общества [11, с. 224-236].

Известно, что в рамках марксистской теории революции могут заканчиваться либо переустройством общества в результате победы одного класса, либо взаимным ослаблением и уничтожением антагонистических классов; в случае с революцией, отмечавшей конец рабовладельческого общества, Пригожин А.Г. считает возможным говорить о «совместной гибели» [20, с. 23].

Во второй половине 1940-х годов, когда постепенно стало ясно, что власти нисколько не интересуются проблемой «революции рабов», теория

была забыта. Историки обратились к другим вариантам марксистских объяснений упадка древнего мира, С.И. Ковалев и Е.М. Штаерман разработали совершенно иную концепцию кризиса III века в Римской империи и всех сопутствующих и последующих событий [32, с. 51-79].

Тезис о «революции рабов» сыграл свою роль и в формировании методологии советской историографии: оказывалось, во-первых, что «правильное» понимание истории не только возможно, но уже достигнуто, во-вторых, что историка можно сравнительно быстро и безболезненно переучить, заставить поменять свои взгляды так, чтобы они соответствовали заранее известным «правильным».

Внедрение теории «революции рабов» не было результатом одного только воздействия свыше, и все-таки последствия этого внедрения объяснимы в большей мере внешним влиянием. Именно данная теория определила особенности изучения античного общества в советской историографии [11, с. 224-236].

2.2. Политико-идеологическое система античного мира в советской историографии и работах Е. М. Штаерман

С конца 30-х годов начинается так же активная научная деятельность, направленная на изучение социальной сущности императорской власти [3, с. 348].

Система управления в раннем Риме внешне сохраняла форму военной демократии, но ее органы власти – царь, сенат и народное собрание – все в большей степени выполняли уже государственные функции в возникающем классовом обществе. По существу, Рим VIII–VI вв. до н. э. – это архаическое царство.

Царь был военачальником и организатором военной силы, законодателем и верховным судьей, вел внешнюю политику и руководил

религиозной деятельностью общины. Он избирался народным собранием, но его кандидатуру выдвигал сенат.

Сенат – совет старейшин, или старцев, состоял из верхушки патрициев. Важнейшей функцией сената была организация избрания нового царя. Сенат рассматривал также судебные дела не первостепенной важности.

Народное собрание существовало в форме куриатных комиций – собраний членов курий. Народ группировался для голосования по куриям. После голосования внутри курии она подавала на комициях один голос. Плебеи к политическому управлению не допускались. Важнейшей функцией куриатных комиций было избрание царя.

Римская история царского периода показывает, что цари стремились усилить свою власть, опираясь на войско и на военную добычу, и в то же время пытались ослабить роль сената [39].

В качестве хронологического рубежа между царским и республиканским периодами римской истории наука признает традиционную дату – 510 г. до н. э. В этот время царский период в Риме закончился в связи с восстанием римлян против царя Тарквиния Гордого [1, с. 40].

Ликвидация царской власти стала переломным моментом, сопровождавшимся качественными изменениями. Коренные преобразования в политической области тогда за тронули и сакральную. Политическая власть сохранила немало полномочий в религиозной области. Но принципиальной чертой стала утрата ею сакрального характера, присущего власти царской [24, с. 40-55].

С 30-х годов до н. э. начинается новая историческая эпоха в истории Римского государства и древнего мира вообще – эпоха Римской империи, пришедшей на смену Римской республике. Падение республиканской формы правления и рождение монархического строя в Риме не было второстепенным эпизодом социально-политической борьбы, как, например, во многих полисах Греции, где на смену полисным органам приходили

тиранические режимы, они недолго держались у власти и, в свою очередь, заменялись традиционными республиканскими институтами.

Основой перестройки стало превращение полисно-общинной организации как всеобъемлющей системы в структуру другого типа, которую условно можно назвать имперской провинциально-муниципальной системой. Полисно-общинная форма организации общества и всего образа жизни обеспечила создание эффективной экономики, динамичного общественного устройства, республиканского строя с его политической свободой, высокий уровень культуры, но к концу I в. до н. э. в Риме она исчерпала свои потенциальные возможности, стала тормозом дальнейшего развития общества и культуры.

Разрушение старых основ и традиционной структуры приводило к серьезным социальным конфликтам в римском обществе, которые выливались в кровопролитные гражданские войны, рабские восстания, яростные столкновения в среде самого господствующего класса [5, с. 190-191].

Гражданские войны, лихорадившие на протяжении I в. до н. э. республиканский Рим, закончились с установлением в 27 г. до н. э. Октавианом Августом новой формы правления, еще в древности получившей название «принципат».

С установлением режима принципата римские граждане постепенно утрачивали свои политические права: выбирать главных представителей исполнительной власти и соответственно быть выбранными на эти должности, влиять на определение внутренней и внешней политики государства через участие в народных собраниях [27, с. 39-41].

По словам Н.А. Машкина, именно принципат «был призван завершить тот процесс, который давно уже наметился в рабовладельческом обществе: город-государство должен был уступить место мировой монархии» [15, с. 342].

Постепенно происходили определенные изменения и на ментальном уровне, обусловившие принятие в массах нового политического режима. Говоря о длительном процессе перехода от республики к монархии, Я.Ю. Межеричский замечает, что «в конечном счете, направление и исход событий определили метаморфозы, происходившие в сфере ментальности» [17, с. 156-160]. Поэтому параллельно с формированием политической системы принципата шло оформление идеологической доктрины его обоснования.

Перед рождающейся Империей вставали сложные задачи: привести в соответствие новые социально-экономические и политические основы, формирование нового имперского общества. Одной из таких задач было создание монархических структур на месте существовавшей столетиями полисно-общинной, т. е. в принципе республиканской, формы государства. Правда, римским политикам были хорошо известны монархии эллинистических стран, так же как и тиранические режимы многих греческих городов Великой Греции (например, Агафокла или Гиерона II в Сиракузах). В самой структуре римских республиканских органов, в частности в ординарной магистратуре консулов и особенно в экстраординарной магистратуре диктатора, монархический элемент был выражен с достаточной четкостью.

В новых условиях общественно-политической жизни Рима в I в. до н. э. все эти виды монархического устройства оказались неприемлемыми и неэффективными.

Новый характер в процессе формирования императорской власти приобрели отношения между правителем Октавианом и главными органами прежнего республиканского строя: народным собранием, сенатом и системой магистратур. При Октавиане народное собрание собиралось, принимало законы, в том числе многие законы о власти самого правителя, продолжало избирать традиционных магистратов, однако утратило какую-либо самостоятельную роль и превратилось в «послушное орудие» Октавиана.

Прежде всего, Август, получивший пожизненный трибунат, как бы получал полномочия полноправного представителя народного суверенитета, представляемого народным собранием.

Традиционный орган республиканского строя – суверенное народное собрание было умело приспособлено к формирующимся монархическим институтам и стало их частью.

Более сложными были правовые отношения между Октавианом и римским сенатом. Сенат являлся олицетворением республиканского строя как такового, и Октавиан проводил по отношению к нему очень осторожную политику постепенного сокращения его компетенции, внешне оставляя за ним большие права. В 27 г. до н. э. он возвратил сенату верховную власть, сложив с себя чрезвычайные полномочия триумвира, а сенат, в свою очередь, наделил его новыми, так сказать, легальными полномочиями, оставив за собой значительную компетенцию. Между Октавианом – носителем новой власти и сенатом – органом традиционной республики было установлено как бы юридическое равноправие, своего рода юридическая диархия. Так, все римские провинции были поделены на сенатские, подлежащие компетенции сената и управляемые его ставленниками, и императорские, полностью подчиненные Октавиану, руководство которых назначалось им единолично.

Традиционная римская казна – эрариум курировалась сенатом, но Октавиан располагал огромными денежными средствами, которые вскоре образовали особую императорскую казну, так называемый фиск, из которой финансировались содержание огромного римского войска, щедрые раздачи населению и другие траты. Во времена правления Октавиана сенат получил дополнительные права, в частности судебную власть. Однако при всей большой юридической компетенции сената в тех областях, которые были доверены его управлению, он оказался под полным контролем всемогущего правителя. Прежде всего, Октавиан имел право республиканского цензора проводить ревизию сенатских списков. Само право проведения ревизии сенатских списков означало как бы более высокий авторитет Октавиана.

Стоя в сенатском списке первым, Октавиан, согласно древней традиции, имел право первым высказывать свое мнение, которое, естественно, было руководящим не только для его многочисленных сторонников, но и для других сенаторов. Как первоприсутствующий в сенате, принцепс сената созывал сенатские заседания, когда ему было угодно. Таким образом, римский сенат при большой декларированной власти, которая была как бы равна власти Октавиана, фактически был включен в систему рождающихся монархических учреждений как его органическая часть, хотя Август проявлял большой такт по соблюдению внешних прерогатив сената [5, с. 192-194].

В основе официальной идеологии императорского Рима лежали представления о так называемом «римском мире», «римском мифе», «золотом веке», а также культ императора. «Римский миф» представлял собой идею об «особой исторической миссии Рима, определенной богами» [27, с. 37-41].

Императорский культ как качественно новый феномен жизни Древнего Рима возникает и развивается в эпоху принципата. Говорить о культе императоров как о некоем устойчивом явлении можно лишь с правления Октавиана Августа. Всеобщим и обязательным сделал императорский культ Веспасиан, унифицировав его и учредив культ всех обожествленных императоров. При нем произошло обожествление императорской власти в целом, а не только отдельного принцепса.

Возникновение культа, несомненно, было связано с политическими процессами – развитием монархических тенденций и созданием империи. Н.А. Машкин считает, что введение Августом культа являлось попыткой найти религиозное обоснование монархической власти. Е.М. Штаерман пишет, что императорский культ должен был стать новой силой, цементирующей империю [33, с. 207].

И.С. Свенцицкая подчеркивает, что культ способствовал включению провинциальных городов в имперскую систему, а их жителям давал возможность принимать участие в общественной жизни [23, с. 81-82].

Но одними политическими предпосылками нельзя объяснить успехи в распространении императорского культа. Некоторые исследователи обращают внимание на серьезные изменения, происходившие в то время в общественном сознании. Х. Хабихт полагает, что развитие культа было обусловлено упадком веры в традиционных богов, Е.М. Штаерман связывает возникновение культа императоров с разрушением активной идеологии гражданина и формированием идеологии подданного [33, с. 178].

Проявление императорского культа было весьма многообразно: обожествление умерших императоров и апофеоз царствующих с соответствующими ритуалами, появление особой титулатуры и инсигний в документах и монетах, упоминание в сочинениях античных авторов божественных знамений и различных аспектов связей принцепсов с богами и т.п. Весьма распространенным является представление о культе императоров как о выражении благодарности и почтения, о культе «благодетелей», спасителей. Принцепсы должны были заслужить почитание и обожествление как награду за свою деятельность [26, с. 21-25].

Е.М. Штаерман говорит о том, что императорский культ можно считать результатом преломления в сознании жителей Империи новой социальной системы. В императорском культе сочетались культ героя и культ правителя, культ личности и культ власти, однако в нем было и нечто большее [33, с. 171-173].

В советской историографии принципата в первую очередь необходимо отметить монографию Н.А. Машкина «Принципат Августа». На основе всестороннего исследования не только принципата Августа как такового (социальной политики, жизни Империи и провинций, организации армии и внешнеполитических мероприятий, культуры), но и его предпосылок, лежащих в социальной истории II и I вв. до н.э., историк делает вывод, что

форма правления, установленная первым римским принцепсом, близка к монархической, и считает, что в политическом отношении это явилось «шагом назад по сравнению с республиканскими порядками».

В 50-х годах появляются работы Е.М. Штаерман о принципате. В монографии Е.М. Штаерман «Древним Рим: проблемы экономического развития», а также и в других ее работах выделены особенности социально-экономической истории Рима, к которым в первую очередь относится одноукладность экономики, базировавшейся на античной форме собственности. Эти особенности могут служить исходным пунктом для правильного понимания и объяснения особенностей римской политико-правовой истории.

Большое значение имеют работы С.Л. Утченко, так как в них освещаются события поздней Республики и раннего принципата. В частности, в его книге «Древний Рим. События, люди, идеи» осуществлена попытка объяснить такой феномен, как становление Римской империи. В указанной работе эпоха, начиная с аграрного законодательства Гракхов, рассматривается как канун становления империи. Монография «Кризис и падение римской республики» содержит подробный анализ причин кризиса республиканской формы правления. Однако, вопросы государственного права Рима не являются предметом специального рассмотрения С.Л. Утченко, Республике он противопоставляет не монархию, а империю, которая в определенном смысле отождествляется с монархической формой правления.

Глава 3. Влияние основных научных положений Е.М. Штаерман на преподавание истории древнего мира в школах и вузах СССР

3.1. Е.М. Штаерман-жизнь и деятельность

Историография в системе исторических наук является одной из самостоятельных дисциплин. Как особая историческая дисциплина она имеет

свой предмет исследования, свои источники, собственные методы исследования. Развитие историографии определяется рядом факторов, и прежде всего общим состоянием общественной мысли, господствующей историко-философской системой.

К. Маркс и Ф. Энгельс разработали свою концепцию античного рабовладельческого общества, которая явилась крупнейшим достижением антиковедения 19 в. и стала постепенно оказывать большое воздействие на развитие мировой историографии. Историография этого периода разработала на основе тщательного и комбинированного исследования источников (и освоения их новых видов) основные тенденции исторического процесса в античном мире.

С победой социалистической революции начался новый, качественно иной и несравненно более высокий этап развития. Революция принесла с собой торжество новых идей и под натиском новых, марксистских идей произошел коренной сдвиг во взглядах отечественных антиковедов на предмет, цель и задачи своей науки, на методы изучения древней истории, на относительную значимость отдельных периодов и проблем.

Прежде всего, существенно изменился сам предмет исследования. Наметившийся еще до революции поворот в сторону изучения социально-экономической истории древности (работы М.И. Ростовцева, М.М. Хвостова, И.М. Гревса) стал теперь свершившимся фактом. Жизнь и быт народа, положение трудящихся масс, социальная борьба и революционные движения в древности – вот те проблемы, которые неизбежно должны были стать и действительно стали центральным объектом изучения.

Но сдвиги коснулись не только предмета исследования, изменился сам метод (в его историко-философском понимании), изменились исходные представления о сущности исторического процесса, о задачах и пределах его познания. На смену достаточно расплывчатому, туманному представлению о естественной целесообразности пришло стройное марксистское учение об исторических закономерностях в общественном развитии, о

последовательном ряде социально-экономических формаций, закономерно возникающих и сменяющих друг друга. Рабству, в частности и античному, в этом ряду было отведено место первой классовой формации.

Одновременно изменились требования, предъявляемые и к форме изложения. Революция пробудила к культурной жизни многомиллионные массы народа. Впервые аудитория, к которой обращались ученые, стала действительно массовой. В этих условиях колоссально возросли роль и значение популярных способов изложения, лекций и литературы, способных в простой и доходчивой форме донести до масс необходимые им знания. Все наши крупные ученые в 20-х и 30-х годах были не только исследователями, но и популяризаторами, учитывавшими в своей работе интересы широкой народной аудитории [1, с. 3-4].

Елена Михайловна Штаерман (1914-1991 гг.) – советский историк, специалист по истории Древнего Рима. Доктор исторических наук, профессор. Она известна не только в нашей стране, как историк-антиковед, но и является признанным мировым историческим деятелем [2, с. 413].

Родители Елены Михайловны происходили из Могилева-Подольского. Ее отец получил техническое образование в Германии и стал инженером. К моменту рождения Елены Михайловны ее семья уже жила в Петербурге. Стоит отметить, что ее семья оказала большое влияние на жизненный путь своей дочери. Кроме того, что в доме всегда было много литературы и домочадцы любили проводить время за чтением книг, родители так же любили путешествовать и неоднократно бывали в Италии, впоследствии рассказывая о своих путешествиях дочери. В силу данных обстоятельств Елена Михайловна пристрастилась не просто к художественной литературе, а именно к историческим книгам, рассказывающим о прошлом.

Родители уделяли большое внимание образованию Штаерман Е.М. Обучаясь в немецкой школе в Ленинграде (на Литейном проспекте), она получила блестящее образование и овладела немецким языком (обучение в школе проходило совместно с немецкими детьми).

В конце 20-х годов вся семья Елены Михайловны переехала в Москву, и жизнь ученого тесно сплелась с этим городом. Стоит отметить, что изначально Елена Михайловна, не смотря на свое пристрастие к истории, выбрала несколько иной жизненный путь. В 1930 г. поступила в дорожный техникум, из которого в 1932 г., будучи студенткой 3 курса, ушла на работу в строительную контору «Гипрохолд» и стала чертежницей, где проработала до 1934 г. Именно в 1934 г. в Московском университете открывается исторический факультет, на который и поступает Елена Михайловна. С этого момента можно говорить о начале исторического пути Штаерман Е.М.

Окончив в 1939 г. исторический факультет, Елена Михайловна осталась на кафедре древней истории в качестве аспиранта. Ее занятия проходили под руководством профессора Н.А. Машкина. С этого периода она начинает проявлять себя как исторический деятель, занимается исследованием античности. С 1940 г. на страницах журнала «Вестник древней истории» и других изданий стали появляться ее статьи, обзоры, рецензии [3].

В период аспирантуры Елена Михайловна подготовила кандидатскую диссертацию на тему «Кризис III века в Галлии и Африке», защита которой состоялась в августе 1942 г.

После защиты диссертации некоторое время Штаерман Е.М. работает старшим библиотекарем в отделе систематического каталога Библиотеки им. В.И. Ленина, с 1942 г. до 1944 г., а с 1944 г. в секторе вспомогательных дисциплин Института истории материальной культуры (в настоящее время Институт археологии РАН). Под руководством крупнейшего эпиграфиста Б.Н. Гракова, Елена Михайловна целеустремленно продолжала свои исследования по истории Римской империи.

Ежегодно Елена Михайловна выступала с научными докладами на заседаниях Сектора истории древнего мира Института истории АН СССР, на постоянную работу в который она перешла в конце 1950 г. С этим сектором и

журналом «Вестник древней истории» оказалась связана вся ее жизнь, до самых последних дней.

Стоит отметить, что с первых своих публикаций Елена Михайловна смогла зарекомендовать себя в исторических кругах, как специалиста по истории Рима.

Внимание стоит уделить и тому, что ее замечали не только отечественные историки, но ее публикации вызывали интерес и у зарубежных коллег. Связано это с тем, что все ее идеи и концепции, всегда тщательно прорабатывались и были основаны на глубоком осмыслении разнообразных источников.

Ее докторская диссертация «Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи» стала событием не только в жизни и карьере ученого-исследователя, но и событием во всей исторической науке. Данная работа Штаерман Е.М. была опубликована в 1957 г. и впоследствии дополнительно была переведена на иностранные языки (польский и немецкий).

Стоит отметить, что Елена Михайловна занималась малоизученными вопросами античности, подходя к своему исследованию ответственно и добросовестно, она смело синтезировала имеющийся материал, выделяла новые аспекты античной жизни в различных ее сферах. Особый интерес в начале ее профессиональной деятельности был в сфере материальной и духовной жизни низших социальных слоев населения, что в дальнейшем вылилось в научную работу о морали и религии угнетенных классов Римской империи, а так же различных книг о римском рабстве, которые вышли в серии «Исследования по истории рабства в античном мире». В данных трудах Штаерман Е.М. раскрываются ее исследовательские подходы, которые были основаны на умении найти и пользоваться нетрадиционными источниками к изучению обозначенных тем, а так же прирожденным демократизмом.

К 60-м годам наступил период крупных теоретических обобщений, вызванный необходимостью согласовать свое видение римской истории с новейшими культурологическими и социальными концепциями.

Статьи конца 60-х годов стали событием не только для коллег-антиковедов, но и для широкого круга философов и историков. Результатом многолетнего вдохновенного труда оказалось создание Еленой Михайловной собственной оригинальной концепции истории Рима от Архаического периода и до Поздней империи.

Постепенно Елену Михайловну все более увлекали проблемы античной идеологии, религиозные и философские представления. Она активно стала заниматься переводами античных авторов, продолжала исследовательскую деятельность, происходила публикация ее статей, рецензий и книг.

Можно сказать, что Елена Михайловна занималась исследовательской деятельностью до конца своей жизни. Уже незадолго до кончины Елена Михайловна сдала в «Вестник древней истории» статью «Человек и космос в мире Рима», которая была напечатана уже после ее смерти в 1992 г., в номере, который был посвящен ее памяти [4, с. 186-191].

Результатом многолетнего вдохновенного труда оказалось создание собственной оригинальной концепции истории Рима от Архаического периода и до Поздней империи. Она занималась исследованием социально-экономических и культурных проблем древнеримской истории. В многочисленных публикациях Елены Михайловны нашли продолжение лучшие традиции русского антиковедения – целостный подход к истории Рима в единстве экономических, социальных, культурных и идеологических сторон.

К результатам ее деятельности относятся также многие переводы античных авторов: сентенции Публилия Сира и юриста Павла, моральные дистихи Дионисия Натона.

Сформированные и выдвинутые ею идеи и концепции уже оказали немалое влияние на развитие не только отечественной, но и зарубежной исторической

науки и, стоит отметить, продолжают воздействовать на творчество многих специалистов по истории Рима и в настоящее время.

3.2. Общественно-политическое и идеологическое развитие Римской империи в трудах Е. М. Штаерман

Экономическая концепция Штаерман предполагает существование в римской экономике двух основ, представленных городской гражданской общиной и крестьянской общиной, как внегородской, так и расположенной на территории города. При этом дуализм социально-экономического развития выделяет первоочередную роль именно общинных начал как исходных основ, как структурообразующих элементов всего хозяйственного организма Древнего Рима [38, с. 18-19].

Городская гражданская община у Штаерман связана с античной формой собственности, для которой характерна большая роль частной собственности, опосредованной собственностью государственной. Крестьянская община базируется на общинной собственности, в рамках которой частное владение землей или отсутствует совсем, или играет гораздо меньшую роль, чем в городской общине. До III в. до н. э. городская община была тесно связана с крестьянской в плане наличия единой экономической основы в виде крестьянского землевладения и патриархального рабства [14, с. 156-157]. Новый качественный этап развития городской и крестьянской общины наступил во II–I вв. до н. э. и связан с переходом от патриархального рабства к рабству классическому, которое предполагает развитие простого товарного производства и получение прибавочной стоимости. В связи с этим Штаерман подчеркивает, что во II в. до н. э. – II в. н. э. ведущую роль в римской экономике играл рабовладельческий уклад, связанный с античной городской общиной.

Укрепление рабовладельческой системы хозяйства происходило за счет разложения крестьянской общины, которая временно отошла на задний план,

подвергаясь сильному воздействию рабовладельческих отношений в классической форме. Согласно положениям Штаерман, крупная земельная собственность с зависимыми колонами, клиентами и должниками существовала в Риме еще в VI–IV вв. до н. э. С переходом к классическому рабству концентрация крупной земельной собственности усилилась, однако латифундии и в это время продолжали сохранять свой нерабовладельческий характер. С появлением первых симптомов кризиса рабовладельческого способа производства во II в. экономическая самостоятельность крупных имений все больше усиливалась, способствуя превращению их в экзимированные владения. В то же время с развитием колоната свободные крестьянские общины все больше стали попадать в различные формы зависимости от крупных землевладельцев [24, с. 165].

Как отмечает Штаерман, начавшийся процесс разложения античной формы собственности, вызванный первоначально переходом к классическому рабству, и тесно связанный с ним процесс возрождения и укрепления крестьянских общин и крупных имений на внегородских территориях явился важнейшим фактором перехода от античности к феодализму, более показательным и симптоматичным, чем, например, изменения в соотношении удельного веса труда рабов и колонов, а также статуса тех и других. Исходя из положения об изначальном дуализме древнеримской экономики, который вылился в сосуществование рабовладельческого и нерабовладельческого укладов, Штаерман делает вывод о наличии в Риме четырех основных классов-сословий. Такими являются прежде всего рабы и рабовладельцы, связанные с античной формой собственности. Если в период ранней Республики классовая структура римского общества в основном совпадала с сословной, то во II в. до н. э. – II в. н. э., когда рабовладельческий уклад превратился в ведущий в экономике, классовая принадлежность уже не совпадала с сословной, образуя сложный конгломерат социальных групп и прослоек, различающихся по своему экономическому и юридическому положению [24, с. 230].

Класс рабов составил основу, на которой развивался рабовладельческий способ производства, и не принадлежал к гражданской общине. Прибавочный продукт изымался у них непосредственно, по праву собственности владельца на раба. В свою очередь, для класса рабовладельцев, являвшихся членами гражданской общины, была характерна абсолютная власть над лишенными средств производства и принадлежавшими своим господам рабами и ограниченная государством собственность на основное средство производства – землю.

Рабовладелец не был заинтересован в максимальной эксплуатации даже сельских рабов (которые находились в более тяжелом положении) по той причине, что на основе производственной деятельности невозможно было составить огромное состояние в силу незначительного в целом объема получаемого прибавочного продукта. У римского рабовладельца не было необходимости быстро извлечь максимальную прибыль и снова пустить ее в оборот. С тем же и даже большим успехом он мог стремиться длительное время извлекать постоянный доход на раз вложенную в имение сумму. Такого рода задача как раз предполагает бережное, экономное расходование приобретенных средств производства, к которым относились и рабы.

Главное внимание специалистов по истории Рима было обращено на сельское хозяйство, что и естественно, поскольку именно оно было ведущей отраслью римской экономики и складывавшиеся в нем отношения в основном определяли ее характер.

В настоящее время можно утверждать, что первопричиной кризиса италийского сельского хозяйства, основанного на рабстве, было не сокращение притока порабощенных пленных и вздорожание рабов, а внутренние противоречия рабовладельческого способа производства.

Штаерман подчеркивает, что установление системы классического рабства в Риме способствовало трансформации античной формы собственности, проявившейся в большей степени господства частных

хозяйств, классовой поляризации, простого товарного производства [15, с. 162].

Нерабовладельческий уклад в римской экономике представляли классы колонов и крупных земельных магнатов. Колоны, наряду с местными свободными арендаторами и клиентами, сидели на частных и государственных землях и обязаны были владельцам различными видами ренты. Крупные землевладельцы не являлись членами объединенного городского коллектива рабовладельцев и землевладельцев, были подчинены непосредственно государству и могли быть ограничены в правах только им. Собственность магнатов на землю была более полной и развитой частной собственностью, чем собственность владельца виллы, включенной в городскую территорию [24, с. 230-231].

Оценивая экономический строй Рима в IV–V вв., Штаерман указывает, что в этот период господствующее положение занимал протофеодальный уклад в виде крупных латифундий и зависимых крестьянских общин. В свою очередь, городские общины подверглись глубокой трансформации в том плане, что уже не базировались на античной форме собственности и все в большей степени разрушались в результате наступления крупного землевладения. В соответствии с изменившейся экономической ситуацией и политическое господство в поздней Империи перешло от класса рабовладельцев к классу крупных землевладельцев феодального типа. Доминат выступает государством, представлявшим интересы не связанного с городом землевладельческого сенаторского сословия, эксплуатирующего зависимых земледельцев [40, с. 142-156]. Как подчеркивает Штаерман, это была переходная эпоха от рабовладельческой формации к феодальной и события III в. явились прологом падения Западной Римской империи, ибо уже тогда обозначились обусловившие ее гибель процессы и силы, порожденные кризисом рабовладельческого способа производства и зарождением новых, раннефеодальных отношений.

По мнению Е.М. Штаерман, эксплуатация рабов в виллах не могла достигать больших пределов по той причине, что на основе производственной деятельности невозможно было получать прибавочный продукт в большом объеме. Значительные финансовые состояния сколачивались римскими дельцами в торгово-ростовщической сфере, на откупках, подрядах и т. д. После прекращения широких завоеваний Рима, главным средством обеспечения вилл рабочей силой, как утверждает Е.М. Штаерман, являлось естественное воспроизводство [43, с. 15].

Так как в области экономики римляне, стремились приобрести новые земли для вывода колоний и территории, с которых можно было бы разными путями перекачивать в Италию материальные ценности: драгоценные металлы, сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия, при этом в список ценностей рабы не входили. Стоит отметить, что рабы, безусловно, были целью военных походов Рима, но это обстоятельство было актуально только на первых этапах формирования рабовладельческого общества. В развитых же рабовладельческих государствах положение меняется. Раб, обладавший только физической рабочей силой, уже считался весьма малоценным приобретением.

В специальных и общих работах по истории Рима и римского рабства обычно принимается как нечто само собой разумеющееся, что все взятые в той или иной войне пленные продавались в рабство. На деле же, массовые распродажи пленных, которые могли действительно серьезно повлиять на экономику Рима и Италии, производились значительно реже, чем это обычно представляется. Как правило, они считались не столько естественным следствием всякой войны и победы – хотя теоретически все захваченное на войне победителем было его собственностью до тех пор, пока он был в силах ее удержать, - сколько мерой наказания городам и племенам, которые не признавали власть Рима, затем против нее восставшим и снова покоренным.

Все эти продажи, производились не просто потому, что шла война, а в результате карательных экспедиций против «мятежников». Обычных

пленных часто обменивали или выкупали. Иногда по тем или иным причинам пленным отпускали безвозмездно. По-видимому, с течением времени, по мере того как римляне стали овладевать искусством более тонкой и изощренной политики, такого рода соображения начинают играть все более значительную роль. Римский сенат, стараясь соблюсти видимость справедливости и законности, боролся с самочинными действиями наместников и военачальников, продававших побежденных в рабство. Следует учесть и то обстоятельство, что транспортировка и продажа больших масс пленным могла быть в ряде случаев затруднительна, а купившие их владельцы нередко подвергали себя значительной опасности.

Войны, конечно, разными путями способствовали притоку рабов в Италию, а поступление туда материальных ценностей и рабочей силы стимулировало развитие рабовладельческого способа производства. Но непосредственное порабощение пленным было лишь одним из этих путей. Более значительную роль оно играло в ранний период истории Рима. В последний же век республики все большее значение приобретают политические и дипломатические соображения, изменившие взгляды на законы войны и права победителей. Прямая продажа покоренных во время войн свободных в качестве источника рабства отходит на задний план и пополнение рабской силы связано теперь в гораздо большей мере с косвенными результатами войн, отдававших провинции на разграбление римским дельцам.

Много рабов поступало, несомненно, в Италию от «варваров» – иллирийцев, германцев, галлов, причерноморских племен, которые продавали в Италию или захваченных ими пленным, или своих попавших по каким-либо причинам в рабство соплеменников.

В провинциях рабами торговали не только на специальных крупных рынках, но повсеместно. Итальянские работоторговцы скупали рабов для перепродажи в Италию по всему римскому и внеримскому миру, но никаких данных, позволяющих судить, сколько именно рабов поступало таким

образом в Рим, нет. В самом Риме рабами торговали в особых лавках, распродавали их с аукционов.

Работорговля, как внешняя, так и внутренняя, была строго регламентирована. Каждая категория выставившихся на продажу должна была иметь свои отличительные признаки. Пленные продавались в венках, распродажу производил военачальник или квестор. Частная торговля пленными, видимо, была запрещена. Если продавец не ручался за рабов, он одевал на них пилей, чтобы покупатель сразу видел, какого сорта эти рабы и не имел впоследствии претензий. Рабам, привезенным на продажу из-за моря, продавец обязан был выбелить мелом ноги.

При обычной продаже рабов продавец составлялся специальный список, в котором указывалось, кто из рабов имеет какой порок или болезнь, кто беглый или бродяга, или имеет вину, за которую должен ответить он сам или его хозяин. Если о каком-либо из этих обстоятельств покупатель не был заранее поставлен в известность, он мог впоследствии подать на продавца иск и потребовать аннулирования сделки. Так же было предусмотрено, чтобы давнишний раб (*veterator*) не продавался за новичка. Разница между ветератором и новичком определялась не сроком пребывания в рабстве, а занимавшимся раньше положением. Ветератором считался раб, стоявший во главе какого-либо предприятия и обученный свободным наукам. Покупатель мог не пожелать приобрести такого раба, боясь, что его труднее будет воспитать согласно своим вкусам и нравам и заставить повиноваться. Продавец должен был также обозначить национальность раба, специальность, квалификацию, указать, грамотен ли он. Если раб имел пекулий, в акте продажи оговаривалось, передается ли он вместе с рабом или изымается. За все данные сведения продавец нес ответственность, а также и за возможные случаи, в результате которых собственность на раба почему-либо не передавалась покупателю или кто-либо заявлял претензию на проданного раба. Продавец гарантировал тогда возмещение покупателю одинарной или двойной стоимости раба. Если рабы продавались оптом, в их

число иногда включались старые люди, уже неспособные к тяжелой физической работе.

Формальности, которыми обставлялась покупка рабов, показывают, что для обычного среднего рабовладельца такая покупка была делом не только важным, но в какой-то мере и рискованным. Он боялся ввести в свою фамилию не только больного и нетрудоспособного, но и непокорного, строптивного человека. Даже слишком привыкший к самостоятельности ветератор его несколько пугал. Факт этот лишний раз позволяет усомниться в преобладающей роли пленных в рабовладельческих хозяйствах. Гораздо спокойнее и безопаснее было приобретать «прирожденных» рабов, за покорность и трудоспособность которых ручался прежний господин или работорговец.

Цены, несомненно, колебались в зависимости от спроса и предложения, квалификации, талантов, наружности раба или рабыни. В периоды массовых распродаж пленных они могли на некоторое время дешеветь. Красивые юноши и девушки, танцоры, музыканты, квалифицированные ремесленники были значительно дороже простых рабов земледельцев, причем по мере распространения тяги к роскоши цены на них сильно возрастали.

Рабовладение в Риме и Италии сохраняло некоторые черты сходства с рабовладением в тех обществах, где долговая кабала была более или менее значительным источником рабства. Весьма возможно, что часть рабов-италиков выходила из числа кабальных и их потомков.

С вопросом об источниках рабства тесно связан и вопрос об этнической принадлежности римских рабов. Он не разрешен не только для периода республики, для которого данных, в общем, немного, но и для эпохи империи.

С уменьшением числа продававшихся пленных возрастает и роль работорговли как внутренней, так и внешней. Поставщиками работорговцев были и пираты, но не следует преувеличивать их роль в порабощении

свободных, покупка которых всегда считалась незаконной, за исключением случаев, когда это были проданные за долги провинциалы.

Естественное воспроизводство рабов никогда не прекращалось и, за исключением сравнительно недолгих периодов, когда продавалось особенно много пленных или более обычного активизировались пираты и дельцы, оно было главным источником возрастания рабского населения. «Прирожденный раб» был значительно более типичной фигурой, чем порабощенный пленный. Концентрация в Италии награбленных у покоренных народов богатств и рабов стимулировала распространение и углубление рабовладельческого способа производства, но не войны были причиной, его породившей и поддерживавшей. Развитие рабства обуславливалось в первую очередь развитием производительных сил, а также товарно-денежных отношений.

Рабы, причислявшиеся к городским фамилиям и обслуживавшие личные потребности господ, не составляли особой группы, с точки зрения их места в процессе производства, как не была такой группой и дворня феодалов. Но все же их следует выделить в особую категорию, так как, с точки зрения социальной, домашняя челядь, составлявшая основное ядро городских фамилий в период поздней республики, как и ранней империи, играла очень большую роль, особенно в домах лиц, сколько-нибудь видных по своему происхождению, богатству, положению в государстве. Многие римляне имели специальных рабов, служивших вооруженной силой в различного рода стычках: от споров с соседями за земельные участки до политических конфликтов. Иногда для таких целей покупали специально обученных гладиаторов.

Такие рабы, конечно, никак не могут быть поставлены в один ряд с рядовыми рабами. Их положение отнюдь не характерно для положения всех рабов. Такого рода «счастливицы» выходили лишь из сравнительно узкого круга городских фамилий и притом из привилегированных их сочленов. О возвышении сельских рабов или рабов-ремесленников нет никакой информации. Карьера некоторых доверенных рабов «принцепсов»

государства характерна не для положения античных рабов вообще, а скорее для особенностей римского государственного строя в период крушения республики и возникновения империи. Определенная слабость государственной организации, отстававшей в своем развитии от потребностей римской державы, делала возможным это смешение государственного хозяйства и личного рабовладельческого хозяйства правителя или правителей, не располагавших еще достаточно оформленным и крепким бюрократическим аппаратом. Все это моменты, не органически присущие рабовладельческому обществу, а преходящие, свойственные определенным ступеням его политической истории. На положение основной массы рабов они никак не влияли.

Скорее можно полагать, что такое влияние, но не положительное, а отрицательное, оказывало постоянное возрастание городских фамилий. Всех этих разнообразных слуг и вооруженную стражу господ, не участвовавших в производстве, надо было содержать, и притом содержать хорошо, так как слуги в «хорошем» доме должны были отличаться красотой, цветущим видом и соответствующим нарядом. Средства на их пищу и одежду должны были доставлять рабы, занятые в сельском хозяйстве и ремесле, а рост непроизводительных расходов вел к усилению эксплуатации производителей материальных благ.

Важным аргументом в пользу своих положений Е.М. Штаерман считает такой факт, как социальное расслоение класса рабов в период Поздней Республики. В данное время понятие класс и сословие в отношении рабов уже не совпадают, ибо оказывалось, что реальное производственное положение раба не соответствовало его юридическому статусу. Этот статус заключался, прежде всего, в том, что рабы стояли вне гражданской общины и являлись полной собственностью своего владельца, создавая для него своим трудом прибавочный продукт. Е.М. Штаерман не согласилась с утверждением А.В. Мишулина и С.И. Ковалева о том, что положение рабов

ухудшалось с возрастанием их численности [43, с. 94]. В конечном счете, положение рабов определялось их положением в производстве.

В ремесле, так же как и в земледелии, рабский труд был характерен для мелких и средних предприятий. Положение рабов-ремесленников существенно отличалось в лучшую сторону от положения сельских рабов. Рабы-ремесленники имели возможность получить работу по найму, скопить деньги и стать отпущенником. Из этой среды формировался слой рабов-предпринимателей, которые также могли иметь и собственных рабов. В данном случае Е.М. Штаерман подчеркивает, что наличие таких явлений в экономической жизни Рима во II–I вв. до н. э. не свидетельствуют о разложении рабовладельческого способа производства. Хозяева ремесленных мастерских стремились экономическими способами стимулировать производительность рабского труда с целью увеличения получаемого прибавочного продукта. Такие же способы поощрения производительности рабского труда практиковались и в виллах, когда за хорошую работу сельские рабы могли получать лучшую пищу, работу и т. д. Особую социальную группу рабов составляли городская прислуга и рабы, занимавшиеся интеллектуальным трудом. Они занимали особое привилегированное положение [43, с. 117-129].

Таким образом, согласно положениям Е.М. Штаерман, с установлением системы классического рабства, рабовладельческий уклад во II в. до н. э. – II в. н. э. стал играть ведущую роль в римской экономике. Противостоящий ему нерабовладельческий уклад, представленный крестьянскими хозяйствами и латифундиями, в силу своей экономической малоэффективности отошел на задний план. При этом Штаерман считает, что крупное землевладение с колонами и клиентами существовало в Риме уже в VI–IV вв. до н. э., и с переходом к классическому рабству концентрация латифундий усилилась, но они по-прежнему продолжали сохранять нерабовладельческий характер.

Распространение рабства в большой степени способствовало упадку мелкого и среднего землевладения крестьянских общин, которые, однако,

никогда не исчезали, подвергаясь сильному воздействию рабовладельческих отношений классического типа [39, с. 92]. В этой связи Е.М. Штаерман дает свое толкование причин кризиса полиса и падения Римской республики, экономическую основу которой составляло крестьянское землевладение. Главную причину кризиса полиса Штаерман видела не в упадке рабовладельческого способа производства, как это было свойственно советской историографии 30-40-х гг., а в широком распространении системы классического рабства, ставшем основой римской экономики. Товарная вилла в силу своей экономической рентабельности оттеснила крестьянские хозяйства, в результате чего значительные массы крестьян оказались безземельными, создав обстановку опасного социального кризиса [43, с. 32].

В условиях начавшейся борьбы между крупным и мелким землевладением, единая ранее римская гражданская община распалась на бедных и богатых, в результате чего и начались гражданские войны. Их непосредственным результатом стало образование Римской империи, которая выступает для Штаерман, прежде всего, как итог перераспределения земельной собственности, когда в условиях военной диктатуры наряду с крупной земельной собственностью могла существовать и мелкая собственность на территории городских и крестьянских общин.

Таким образом, Е.М. Штаерман в своих исследованиях подчеркнула огромное значение воздействия классических рабовладельческих отношений на процесс разложения и трансформации античной формы собственности и античной гражданской общины. Это проявилось, прежде всего, в классовой поляризации римского общества, широком распространении частных хозяйств и простого товарного производства. При этом установление Империи не привело к прекращению кризиса полиса, а лишь временно его ослабило, что выразилось в компромиссе сосуществования крупного и мелкого землевладения. Насколько долго мог продлиться этот компромисс, зависело от эффективности функционирования рабовладельческого уклада как ведущего в римской экономике.

Начавшийся процесс сокращения рабовладельческих товарных вилл в Италии в I в. н. э. Штаерман связывает, прежде всего, с возросшей экономической конкуренцией западных провинций. Более дешевая продукция ремесла и сельского хозяйства из Галлии и Испании стала поступать в италийские города, значительно подорвав позиции местных производителей. Однако угасание системы классического рабства в Италии не означало пока еще кризиса рабовладельческого способа производства в целом. В оценке Е. М. Штаерман в самой Италии в I в. н. э. использование рабского труда в сельском хозяйстве достигло своего максимального предела. При этом рабский труд широко использовался и в товарных виллах и в латифундиях [45, с. 30-31]. Оживление хозяйства и процесс урбанизации римских провинций подготовили почву для распространения очагов классического рабства по всему Средиземноморью. Рабский труд находил самое широкое применение в ремесленном производстве, горном деле, сельском хозяйстве и т.д. В этой связи Е.М. Штаерман подчеркивает, что в I–II вв. н.э. рабовладельческий способ производства был еще прогрессивен, на основе рабства было возможно дальнейшее развитие экономики и культуры [45, с. 42].

Всеобщий кризис рабовладельческого способа производства Е.М. Штаерман относит ко второй половине II–III вв. н.э. Основную причину упадка Римской империи в III в. она видит в том, что ее производительные силы исчерпали возможности развития в рамках рабовладельческих производственных отношений. Во времена ранней Империи была достигнута высшая производительность рабского труда в товарной вилле среднего размера. Для дальнейшего повышения производительности рабского труда требовалось углубление специализации производства, и повышение квалификации все большей части рабов. Но не заинтересованные в своем труде рабы не отвечали возросшим производственным задачам. Е.М. Штаерман подчеркивает, что падение производительности рабского труда было не абсолютным, а относительным; она начала отставать от

возросших общественных потребностей. Эксплуатация рабов становилась все менее выгодной [41, с. 17].

Согласно Е. М. Штаерман, кризис рабовладельческих хозяйств в III в. привел к столкновению двух основных форм земельной собственности в Римской империи: муниципальной и экзимированной. Противостояние собственников товарных вилл на городских территориях связанных с античной формой собственности и владельцев экзимированных латифундий с колонами на рубеже III и IV вв. завершилось победой последних, что выразилось в поглощении крупным землевладением мелкого и среднего [41, с. 472].

На этом основании Е. М. Штаерман делает вывод о том, что в начале IV в. с гибелью рабовладельческого уклада античная форма собственности и античная гражданская община прекратили свое существование. В период домината ведущую роль в экономике стал играть протофеодалный уклад в виде сальтусов с зависимыми колонами и крестьянскими общинами.

Таким образом, в концепции римской истории Е.М. Штаерман система классического рабства играет ведущую роль. Связывая рабовладельческий уклад только с античной формой собственности, Штаерман саму структуру рабовладельческих производственных отношений рассматривает, прежде всего, в плане воздействия их на процесс разложения античной формы собственности, ее трансформации, а затем полного упадка.

3.3. Влияние трудов Е. М. Штаерман на методологию и методику преподавания истории древнего мира в СССР

В 1987 г. Штаерман Е.М. стала лауреатом Государственной премии СССР. Так заслуженно отмечен ее значительный вклад в подготовку 13-томной «Всемирной истории». В частности II тома, для которого ею написаны основные главы и разделы по истории Римской республики и Римской империи. На основе огромного фактического материала показаны

основные исторические события, социально-экономические процессы, явления в области культуры, религии, идеологии, эпохи расцвета, кризиса и крушения рабовладельческого строя в Риме от полисных форм до зарождения феодальных отношений. Таким образом, была воссоздана целостная картина древнеримской истории.

II том «Всемирной истории» был издан в 1956 г. Это издание, пусть и не вполне свободное от некоторых недостатков, дало мощный импульс дальнейшим научным исследованиям, направленным на преодоление догматизма, на углубленную разработку ключевых проблем древней истории.

В 1957 г. выходит ее монография «Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи» - фундаментальное исследование форм собственности, позиций различных социальных сил в ходе событий III в. и их отражения в идеологии, оригинальная интерпретация кризиса III в. Е.М. Штаерман присуще стремление понять и изучить историю Рима во всей ее хронологической и тематической полноте – проверить экономику и политику идеологией и культурой и наоборот; существенно, что и то и другое никогда не сливается и не смешивается, но и не существует в отдельности. Так, книга «Мораль и религия угнетенных классов Римской империи» (1961) – во многом новаторской в советской и мировой науке исследование идеологии низших социальных слоев Римской империи – стала заметным вкладом в изучении сельской общины в эпоху античности.

В серии книг «Исследований по истории рабства в античном мире», а так же в книге «Древний Рим. Проблемы экономического развития» (1978) Штаерман Е.М. разработала целостную концепцию института рабства в древнем Риме на всем протяжении его развития, связав его с судьбами уклада, базировавшегося на античной форме собственности и гражданской общине, что и делало римский классический рабовладельческий путь развития во многом уникальным. В развиваемой и отстаиваемой Е.М. Штаерман концепции древнеримской истории освещение самых разных

аспектов культуры играет важную структурообразующую роль. Об этом свидетельствуют ее книги и статьи, но в особенности специально посвященные этой проблематике «Кризис античной культуры» (1975), «Социальные основы религии древнего Рима» (1987), разделы для «Культуры древнего Рима» (1985).

В советской историографии проблема классического рабства в античных обществах Греции и Рима занимала одно из ведущих мест в исследованиях специалистов. Было потрачено много сил на то, чтобы доказывать именно рабовладельческий характер античных обществ в противовес авторам немарксистских концепций, которые находили в древности феодальные и капиталистические отношения. При этом советские антиковеды в 30-40-х гг. XX в. сумели создать такие широко известные мифы о том, что в результате безжалостной эксплуатации, рабы поднялись на революционную борьбу и сокрушили Западную Римскую империю.

В 40 – начале 50-х гг. XX в. понимание рабовладельческой формации Е.М. Штаерман основывалось на указаниях И.В. Сталина. Это по большому счету было вынужденное восприятие, обеспеченное условиями времени. Хотя, стоит отметить, что уже в это время Штаерман начинает создавать собственное понимание экономического и социального развития Древнего Рима.

После ознакомления с работой К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» Штаерман в рамках «творческого развития марксизма» стала активно вводить в научный оборот категорию формы собственности. В ее работах 40 – начала 50-х гг. использование категории формы собственности позволило не только более убедительно связать экономические процессы с идеологическими, но и заложить, по существу, новое понимание экономического развития древнеримского общества с марксистских позиций [17, с. 288].

Ситуация существенно улучшилась в 50-80-х гг., когда система классического рабства в Риме подверглась переоценке специалистов с

большим упором на материал источников, а не марксистские социологические схемы в интерпретации И.В. Сталина. Широкое использование источников различного плана позволило специалистам дать более объективную характеристику рабства и его роли в экономическом развитии древних обществ [4, с. 353]. Важный вклад в изучение данной проблемы внесла Е.М. Штаерман, разработавшая ряд теорий с позиций марксизма, в том числе и по проблеме классического рабства в Древнем Риме.

Ее новаторские идеи и концепции продолжают оказывать свое влияние на разработку экономических проблем римской истории до настоящего времени. В связи с этим изучение ее богатого творческого наследия является одной из важных задач исторической науки [37, с.191-192].

В творчестве Е.М. Штаерман вопросы функционирования и упадка рабовладельческой формации занимают особое место. Штаерман на протяжении всей жизни энергично и целеустремленно занималась разработкой экономических сюжетов по римской истории, достигнув больших результатов в этом направлении. При этом со всей полнотой проявились основные черты научного творчества Штаерман: интерес к теоретическим вопросам, стремление к всестороннему охвату исследуемого явления, четкость мысли и свободное владение материалом [7, с. 191-192].

В 50–80-х гг. XX в., когда сложились новые общественно-политические условия для развития исторической науки, Штаерман разработала собственную концепцию экономического развития Рима, которая основана на определяющей роли форм собственности. В связи с этим для Штаерман история Рима выступает как история становления, расцвета и упадка античной формы собственности и связанной с ней гражданской свободной общины. Более того, Штаерман считает понятие «рабовладельческая формация» неудачным для характеристики античных обществ Греции и Рима и результатом сталинского догматизма. Для нее

приемлемыми являются такие определения Маркса, как «античная форма собственности» и «античная гражданская община».

Е.М. Штаерман, опираясь на материал источников, дала свою оценку классическому рабству в Риме, развеяв многие мифы советской историографии 30–40-х гг. по этому вопросу. Прежде всего, исследовательница отмечает, что основной причиной перехода к классическому рабству, как социально-экономической системе, направленной на получение прибавочного продукта, являются не завоевательные войны, а развитие производительных сил римского общества, требовавших дополнительной рабочей силы в условиях запрещения долгового рабства.

В противовес положениям советской историографии 30–40-х гг., Штаерман на основе изучения материала источников разработала собственное понимание особенностей классического рабства в Риме. Прежде всего, она отмечает, что главной ячейкой рабовладельческого хозяйства была не крупная латифундия, а средняя товарная вилла, связанная с городским рынком, где эксплуатировалось несколько десятков рабов. При этом владельцы не стремились доводить эксплуатацию до крайнего предела, берегли силы рабов и способствовали появлению у них потомства. Штаерман считает, что не войны, а именно естественное воспроизводство и являлось главным средством обеспечения вилл рабочей силой [43, с. 15].

В построении Штаерман экономический дуализм определяет собой не только социальную структуру римского общества, но и характер классовой борьбы на различных стадиях существования рабовладельческого строя. Во II в. до н. э. – II в н. э., когда доминирующую роль в римской экономике играл рабовладельческий уклад, ведущим классовым антагонизмом являлось противоречие между рабами и рабовладельцами. Если в период поздней Республики главной формой выступления рабов явились открытые вооруженные восстания, то в эпоху ранней Империи борьба рабов переносится в сферу идеологии, духовной оппозиции имперскому режиму,

что нашло свое выражение в распространении восточных культов и раннего христианства.

Основная причина кризиса Римской империи в III в. состояла в том, что ее производительные силы исчерпали возможности развития в рамках рабовладельческих производственных отношений: иными словами, кризис Римской империи в III в. был вызван кризисом рабства. Кризис рабовладельческого хозяйства проявляется первоначально в Италии в I в. н. э., а затем в конце II–III вв. н. э. распространяется в провинциях [2, с. 122-129].

Использование Е.М. Штаерман категории формы собственности для изучения проблем экономического и социального развития Древнего Рима оказало большое воздействие на развитие отечественной историографии в XX в. Штаерман впервые стала подходить к определению характера общества не с позиции количества эксплуатируемых работников, а с выяснения наличия конкретных форм земельной собственности [17, с. 288].

Такой новаторский методологический подход сохраняет свое значение и в современной отечественной историографии. Многие крупные исследователи начала XXI в. солидарны со Штаерман в признании решающего значения форм собственности для определения экономической и социальной структуры древнеримского общества [30, с. 195-197]. Именно поэтому, несмотря на достижения современного антиковедения, труды Штаерман по-прежнему продолжают сохранять свою актуальность и непреходящую научную ценность.

Само понимание Е.М. Штаерман особенностей классического рабства в Риме сыграло большую роль в переоценке отечественными специалистами этого сложного экономического явления в античном мире по сравнению с периодом 30–40-х гг. Не все положения Е.М. Штаерман были безоговорочно приняты в отечественной историографии, в том числе и ее установка на жесткую детерминированность форм собственности с определенной системой производственных отношений [24, с. 295]. Однако поставленный Е.

М. Штаерман вопрос о новом взгляде на природу классического рабства в тесной связи с формами собственности, находит живой отклик у современных специалистов, которые стремятся использовать ее богатый опыт для дальнейших более качественных разработок данной проблематики.

Заключение

Приступая к данной работе, автором ставилась цель, заключающаяся в анализе становления и развития марксистского антиковедения в СССР и определение роли историка-антиковеда Е.М. Штаерман в советской историографии.

Для достижения данной цели были поставлены и решены следующие задачи.

1. Рассмотрено развитие марксизма. Изучены взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина на античность. Развитие марксизма было обусловлено рядом предпосылок, которые смогли создать благоприятную почву для формирования новых идей, в основе которых лежал материализм. Разработкой нового направления мысли занимались К. Маркс и Ф. Энгельс. Предметом исторического материализма выступила общественная жизнь, которая подчинена универсальным социальным законам.

Среди основных предпосылок марксизма можно выделить следующие: социальные (появление нового класса – рабочих), научная (развитие научной мысли, которая активно стала внедряться в повседневную жизнь людей), философская (предшествующие философские учения подготовили необходимые условия для формирования марксизма).

Маркс и Энгельс повлияли так же и на изучение античности, но стоит отметить, что антиковедение не было их целью, но оставленные ими комментарии об организации жизни в античные времена позволили построить научную историю античности, в которой особое внимание было уделено рабству.

Общие тенденции развития классовой борьбы в античном мире в целом позволили Марксу и Энгельсу оценить и ее своеобразие. К. Маркс и Ф. Энгельс впервые в мировой науке объяснили происхождение античных государств из разделения родового общества на враждебные классы.

Маркс и Энгельс обращались к античным сюжетам в связи с потребностями политической борьбы и защиты пролетарской классовой идеологии.

В.И. Ленин развил основные принципы марксистской теории, Дал теоретическое решение многих проблем классовой борьбы и революционного движения, исторического материализма, материалистической диалектики, конкретного процесса общественного развития ряда эпох всемирной истории, в том числе и рабовладельческого общества.

2. Проанализирован процесс формирования марксистской историографии античности. Русская наука об античности испытала радикальные перемены после революции 1917 г. Изменился предмет изучения в науке об античности: акцент был перенесен с политической истории и культуры на социально-экономические отношения, на собственно экономику, положение трудящихся масс и классовую борьбу. Марксистско-ленинская историография превратилась в главенствующее, а затем единственное направление в советской исторической науке. Укрепление позиций марксистской историографии, распад и преодоление идеалистических взглядов представителей дореволюционной науки способствовали выработке к концу 30-х годов в советском антиковедении методологического единства.

3. Изучена биография Е.М. Штаерман. Помимо того, что Елена Михайловна получила хорошее образование, она с детства была приучена к чтению книг исторического направления, рассказы ее родителей о путешествии по Италии так же сыграли серьезную роль в ее профессиональном становлении как историка-антиковеда.

4. Рассмотрена классовая структура античного общества. В античном обществе существовали классы как большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают.

5. Выявлено политическое устройство античного мира и рассмотрен процесс формирования императорской власти. Античный мир пережил несколько серьезных изменений в политическом устройстве, которые и были описаны во второй главе работы. Говоря об императорской власти, стоит сказать о существовании императорского культа, который можно считать результатом преломления в сознании жителей Империи новой социальной системы. В императорском культе сочетались культ героя и культ правителя, культ личности и культ власти.

6. Рассмотрено рабство, как основная социально-экономическая система античного общества. Е.М. Штаерман большое внимание уделяла формированию рабства, что отражено в третьей главе. Стоит отметить, что многие выводы, к которым она приходила в результате своей исследовательской деятельности вызывали критику со стороны ее коллег-антиковедов, но в настоящее время ее позиция находит большие подтверждения в работах современных исследователей.

7. Определена роль и значение Е.М. Штаерман в советском антиковедении. Елена Михайловна внесла серьезный вклад в развитие антиковедения. Ее работы и в настоящее время актуальны, на ее исследования опираются современные ученые историки. Данное обстоятельство свидетельствует об исторической значимости научной деятельности Елены Михайловны Штаерман.

Список использованных источников и литературы

1. Боровиков А.П. Начала марксизма-ленинизма. Учебное пособие [Электронный ресурс] :politpros.com. – Режим доступа: <http://www.politpros.com/library/2/519/#P1Г1> (дата обращения: 01.10.2016 г.)
2. ГАРФ. Ф. 5284. Оп. 1. Д. 180. Л. 1-4.
3. Дементьев В.В. Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика: Учебное пособие / В.В. Дементьев. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2004. С.40. (всего 248 с.)
4. Дьяков В.Н. Рец. на кн.: Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957 // Вестник древней истории. – 1958. – № 4. – 122-129 с.
5. Ирмшер Й., Йоне Р. Словарь античности / Й. Ирмшер, Р. Йоне. – М.: Прогресс, 1989. – 704 с.
6. Историография античной истории : учеб. пособие для студ. / под ред. В.И. Кузицина. – М.: Высшая школа, 1980. – 397 с.
7. История политических и правовых учений / под. ред. О.Э. Лейста. – М.: Юридическая литература, 1997. – 576 с.
8. История Древнего Рима: Учеб. для вузов по спец. «История»/ В.И. Кузицин, И.Л. Маяк, И.А. Гвоздева и др.; Под ред. В.И. Кузицина.– 4-е изд., перераб. и доп.— М.: Высш. шк., 2002. –383 с.
9. История Древнего Рима: учебник / под редакцией В.И. Кузицина. – М.: Высшая школа, 1981. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/polk-18/index.htm> (дата обращения: 07.10.2016 г.)
10. К 60-летию Е.М. Штаерман // Вестн. древней истории. 1975. – № 2. – 191-192 с.
11. Ковалев С.И. История античного общества. Греция/ С.И. Ковалев. – Л., 1937. – 37 с.
12. Ковалев С.И. История Рима : Курс лекций . -2-е изд., испр. и доп. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 742 с.

13. Ковалев С.И. Проблема социальной революции в античном обществе / С.И. Ковалев. – Л.: ИГАИМК, вып. 76. Л., 1934, 49 с.
14. Коцевалов А. Античное рабство и революция рабов в советской исторической литературе / А. Коцевалов. – Мюнхен, 1956. – 61 с.
15. Кривошеева Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века / Ю.В. Кривошеев, А.Ю. Дворниченко // Отечественная история. – 1994. – №3. С. 143-158
16. Крих С.Б. «Революция рабов» в советской историографии 30-х годов XX века / С.Б. Крих // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 17. М., 2006. С. 224–236.
17. Кузищин В.И. Рец. на кн.: Штаерман Е.М. Древний Рим: проблемы экономического развития / В.И. Кузищин // Вестник древней истории. –1978. – № 4. – 156-157 с.
18. Кузищин В.И. Рец. на кн.: Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в ранней Римской республике / В.И. Кузищин // Вестник древней истории. –1965. – № 3. – 162 с.
19. Ладынин И.А. История Древнего мира: Восток, Греция, Рим. [Электронный ресурс] : Лезгинский Исторический Портал. – Режим доступа: <http://alpan365.ru/istoriya-drevnego-mira/soslovno-klassovaya-struktura-rimskogo-obshhestva/> (дата обращения: 06.10.2016 г.)
20. Лисовый И.А., Ревяко К.А. Античный мир в терминах, именах и названиях: Словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / И.А. Лисовый, К.А. Ревяко; науч. ред. А.И. Немировский. – 3-е изд. – Мн.: Беларусь, 2001.
21. Ляпустина Е.В. Елена Михайловна Штаерман / Е.В. Ляпустина // Вестник древней истории. – 2004. – № 4. – С. 286-294.
22. Малеванный А.М., Чиглинцев Е.А., Шофман А.С. Классовая борьба в Древнем мире. – Казань: Издательство Казанского университета, 1987. –111 с.

23. Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс;, . – 2-е изд , т. 1, – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 699 с.
24. Машкин Н. А. История Древнего Рима. / Н.А. Машкин. – М.: Наука, 1952. – 302 с.
25. Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. – 606 с.
26. Межеричкий Я.Ю. Принципат Августа: от республики к монархии / Я.Ю. Межеричкий // Древнее право. – 1996. – № 1. – С. 156–160.
27. Мишулин А. В. Спартаковское восстание. М., 1936, с. 89 140
28. Неронова В.Д. Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии. / В.Д. Неронова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. – 312 с.
29. Неронова В.Д. История Древнего мира. Под редакцией И.М. Дьяконова [Электронный ресурс] Режим доступа: http://labyrinthos.ru/text/neronova_ranniy-rim.html (дата обращения: 08.10.2016 г.)
30. Орлов И.Б. Глава 12. Октябрьская революция и историческая наука (1917 год – начало 1930-х гг.) // Историография истории России: учеб. пособие. / Отв. ред. В.Н. Захаров. М.: ИИУ МГОУ, 2013. С. 193-220.
31. Пригожин А. Г. Гибель античного мира и проблема социальной революции в античности (вступительная статья) / А.Г. Пригожин // Известия ГАИМК. Вып. 76. Л., 1934. С. 23.
32. Ракитов А.И. Марксистско-ленинская философия / А.И. Ракитов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1988. – 430 с.
33. Ранович А. Маркс об античности // Вестник древней истории, 1939. – №2. – С. 15-20.
34. Свенцицкая И.С. Отношение «Гражданин-полис» в системе Римской империи: проблема отчуждения // ВДИ. 1997. №3. С.81-82

35. Селиванова Л.Л. Чтения памяти Е.М. Штаерман / Л.Л. Селиванов // Вестник древней истории. – 2005. – № 2. – С. 195-197.
36. Сморгачев А.М. О характере царской власти в Древнем Риме / А.М. Сморгачев // Древнее право. – 2002. – № 2 (10). – С. 40-55.
37. Сталин И. Речь на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1953. С. 447
38. Тарасова Л.В. Императорский культ в правлении династии Флавием (69-96 гг.) / Л.В. Тарасова // Научные ведомости. – 2009. – № 1 (56). – С. 21-25.
39. Торканевский А.А. Государственная идеология Рима в период принципата / А.А.Торканевский // Вестник БДУ. – 2013. – № 2. – С. 39-41.
40. Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. – М.: Наука, 1969. – 320 с.
41. Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. – СПб.: 1999. – 532 с.
42. Штаерман Е.М. – лауреат государственной премии СССР // Вестник древней истории. – 1988. – № 4. – 215-216 с.
43. Штаерман Е.М. Древний Рим: проблемы экономического развития / Е.М. Штаерман. – М. : Наука, 1978 – 223 с.
44. Штаерман Е.М. История крестьянства в Древнем Риме / Е.М. Штаерман. – М.: Наука, 1996. – 204 с.
45. Штаерман Е.М. История крестьянства в древнем Риме. / Е.М. Штаерман. – М.: Наука, 1996. – 204 с.
46. Штаерман Е.М. Кризис III века в Римской империи / Е.М. Штаерман // Вопросы истории. – 1977. – № 5. – С. 142-156.
47. Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. / Е.М. Штаерман. – М.: Наука, 1957. – 482 с.
48. Штаерман Е.М. Проблемы падения рабовладельческого строя / Е.М. Штаерман // Вестник древней истории, 1953. - № 2. С. 51-79.

49. Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в ранней Римской республике. / Е.М. Штаерман. – М: Наука, 1964. – 263 с.
50. Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. – М.: Наука, 1987. –320с.
51. Штаерман Е.М., Трофимова М.К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия) / Е.М.Штаерман, М.К. Трофимова. – М.: 1971. – 322 с.
52. Юдин А.В. Историографические эпохи в истории изучения античности // Диалог со временем. – 2009. – №2